

БОЛЬШИЕ NF КНИГИ

Карл
фон Клаузевиц

О ВОЙНЕ
ВАЖНЕЙШИЕ
ПРИНЦИПЫ
ВОЙНЫ

« А З Б У К А »

Non-Fiction. Большие книги

Карл фон Клаузевиц

**О войне. Важнейшие
принципы войны**

«Азбука-Аттикус»

1832

УДК 355
ББК 68

фон Клаузевиц К.

О войне. Важнейшие принципы войны / К. фон Клаузевиц —
«Азбука-Аттикус», 1832 — (Non-Fiction. Большие книги)

ISBN 978-5-389-22210-6

Эта фундаментальная монография о военном искусстве была написана почти два века назад и с тех пор переведена на многие языки мира и неоднократно переиздавалась. Ее автор – прусский офицер, участник Наполеоновских войн, чей личный опыт, безусловно, нашел отражение в трактате. Однако, чтобы постичь природу и законы войны, Клаузевиц изучил около 130 кампаний. Рассматривая различные аспекты войны (стратегию и тактику ведения боя, способы наступления и обороны, взаимосвязь войны и политики и т. д.), он подчеркивает решающее значение военного гения в исходе сражения. Клаузевиц писал, что «война – неотъемлемая часть борьбы человеческих интересов и поступков». В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 355

ББК 68

ISBN 978-5-389-22210-6

© фон Клаузевиц К., 1832
© Азбука-Аттикус, 1832

Содержание

Из предисловия Марии фон Клаузевиц к первому изданию	6
О войне	8
Пояснения автора	8
От автора	11
Часть первая	13
Глава I	13
Глава II	26
Глава III	36
Глава IV	47
Глава V	48
Глава VI	49
Глава VII	50
Глава VIII	52
Часть вторая	53
Глава I	53
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Карл фон Клаузевиц

О войне. Важнейшие принципы войны

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство Азбука®

Из предисловия Марии фон Клаузевиц к первому изданию

Труд, которому должны предшествовать эти строки, почти исключительно занимал в течение последних двенадцати лет жизни внимание моего горячо любимого мужа; увы, его слишком рано лишились я и отечество. Закончить это произведение было заветной мечтой моего мужа, но он не собирался выпускать свой труд в свет при жизни; когда же я старалась склонить его к этому, он часто полушутя, а может быть, предчувствуя преждевременную кончину, отвечал мне: «Ты должна его издать».

С работой, занимавшей моего возлюбленного мужа, я не могла не быть ознакомлена во всех подробностях. Таким образом, никто лучше меня не может рассказать о том усердии и любви, с которыми мой муж отдавался труду, о тех надеждах, которые он на него возлагал, об обстоятельствах, сопровождавших зарождение труда, и, наконец, о времени, когда он был создан. Богато одаренный дух моего мужа с ранней юности ощущал потребность в свете и правде. Как ни разносторонне он был образован, все же мысль его была направлена по преимуществу на военные науки, которые так необходимы для блага государства: здесь было его призвание. Шарнгорст¹ первый указал ему правильный путь, а назначение в 1810 г. преподавателем военного училища и приглашение дать первоначальное военное образование кронпринцу послужили новым толчком к тому, чтобы направить его усилия и стремления именно на этот предмет и изложить письменно мысли, созревшие в нем и получившие уже строгую определенность. Сочинение, которым он закончил в 1812 г. курс преподавания кронпринцу, уже содержит в зародыше будущие труды. Но лишь в 1816 г., в Кобленце, он принялся снова за научную работу, используя опыт, приобретенный в течение четырех лет войны. Сначала он записывал свои мысли в форме кратких, слабо связанных между собой заметок. Помещаемая ниже недатированная заметка относится, по-видимому, к этому времени:

«В записанных здесь положениях затронуты, по моему мнению, главные начала, которые составляют то, что называется стратегией. Я вижу в них только материалы, но продвинулся в своей работе настолько, что готов приступить к слитию их в одно целое.

Эти материалы возникли без всякого заранее составленного плана. Сначала я намеревался, не думая ни о какой системе или строгой последовательности, записать в кратких, точных и сжатых положениях те из важнейших пунктов по этому предмету, относительно которых я пришел к определенному выводу. При этом мне смутно рисовалась форма, в какой Монтескьё обработал свой материал². Я полагал, что такие краткие и богатые оценками главы, которые я первоначально намечал назвать только зернами, достаточны, чтобы заинтересовать образованных, мыслящих людей как возможностью дальнейшего развития выводов, так и непосредственным их содержанием; при этом мне рисовался мыслящий и уже знакомый с предметом читатель. Однако моя природа всегда влекла меня к систематизации и логическому развитию мысли; в конце концов она и в данном случае одержала верх. Некоторое время мне удавалось заставить себя из тех заметок, которые я делал по отдельным вопросам, для того чтобы они для меня самого стали вполне ясными и определенными, извлекать лишь важнейшие выводы и, таким образом, сжимать свои мысли до небольшого объема; однако впоследствии специфический склад моего ума одержал окончательно верх: я приступил к развитию по возможности

¹ Шарнгорст фон Герхард, Иоганн Давид (1756–1813) – реформатор прусской армии. – Ред. (Здесь и далее примечания редактора первого издания.)

² Клаузевиц имеет в виду известный труд Монтескьё (1689–1755) «Дух законов». – Ред.

всех моих мыслей, и при этом мне, естественно, рисовался читатель, еще не знакомый с предметом.

Чем дальше развивалась моя работа и чем глубже я вникал в исследование, тем ближе подходил к систематическому изложению, благодаря чему стали появляться одна за другой главы моего сочинения.

Конечной моей задачей было еще раз проработать все сначала, придать более обстоятельную мотивировку прежде написанным статьям, свести анализ, заключенный в позднее составленных отделах, к определенному результату и, таким образом, создать из всего стройное целое объемом в один небольшой том. При этом, однако, мне хотелось избежать всего заурядного, само собою разумеющегося, сто раз повторенного и общепризнанного, ибо для меня было вопросом чести написать такую книгу, которую не забыли бы через 2–3 года, которую интересующиеся делом могли бы взять в руки не один только раз».

В Кобленце, где у него было много дела по службе, он мог лишь урывками уделять немногие часы своим частным работам, и только в 1818 г., после назначения на должность директора военного училища в Берлине, у него оказалось достаточно свободного времени, чтобы раздвинуть рамки своего труда, обогатив его историей последних войн. Этот досуг примирял его с новой должностью, которая в других отношениях его не вполне удовлетворяла, так как, согласно организационной схеме военного училища, научная работа последнего не находилась в ведении директора, а руководилась особой учебной комиссией. Хотя он был и очень далек от всякого мелкого тщеславия, от всякого беспокойного эгоистического честолюбия, но испытывал потребность быть действительно полезным и не оставлять не использованными на деле те способности, которыми он был одарен. В практической жизни он не занимал такого положения, в котором эта потребность могла быть удовлетворена, и мало надеялся, что ему когда-либо удастся занять такое положение; поэтому все его устремления направились в научную область, и целью жизни стала та польза, которую он надеялся принести своей книгой. Если, несмотря на это, в нем все более и более крепло решение, чтобы труд вышел в свет лишь после его смерти, то это служит лучшим доказательством того, что к его благородному стремлению достигнуть своим сочинением возможно более крупных и прочных результатов не примешивалось ни малейшего тщеславия, жажды похвалы и признания со стороны современников, ни тени каких-либо эгоистических побуждений.

Так он продолжал усердно работать до весны 1830 г., когда был назначен на службу в артиллерию. Его деятельность приняла совершенно иное направление и достигла такого напряжения, что первое время ему пришлось отказаться от всякой литературной работы. Он привел в порядок свои бумаги, запечатал в отдельные пакеты, снабдил их соответствующими надписями и с грустью простился с любимой работой. В августе того же года состоялся его перевод в Бреславль, где он получил вторую артиллерийскую инспекцию; но уже в декабре он был переведен в Берлин на должность начальника штаба при графе фон Гнейзенау (на время, пока фельдмаршал состоял главнокомандующим). В марте 1831 г. он сопровождал своего уважаемого начальника в Познань. В ноябре, после тягостной для него кончины последнего, он вернулся в Бреславль. Здесь некоторым утешением для него была надежда приняться за свой труд и, может быть, закончить его в течение зимы. Однако 7 ноября он прибыл в Бреславль, а 16-го его уже не стало, и собственноручно запечатанные им пакеты были вскрыты лишь после его смерти.

Это посмертное творение ныне выпускается в свет в том виде, в каком он его оставил, без добавлений или изъятия хотя бы одного слова.

30 июня 1832 г.

О войне

Пояснения автора

Я смотрю на первые шесть частей, уже переписанных начисто, лишь как на довольно бесформенную пока массу, которая безусловно должна быть еще раз переработана. При этой переработке двойственность метода ведения войны будет очерчена резче, с уделением ей большего внимания. Таким путем все идеи приобретут более отчетливый смысл, определенное направление и приблизятся к практическому приложению. Двойственность метода ведения войны выражается в следующем. Целью войны может быть сокрушение врага, т. е. его политическое уничтожение или лишение возможности сопротивляться, вынуждающее его подписать любой мир, или же целью войны могут являться некоторые завоевания у границ своего государства, чтобы удержать их за собою или же воспользоваться ими как полезным залогом при заключении мира. Конечно, будут существовать и переходные формы между этими двумя видами войны, но глубокое природное различие двух указанных стремлений должно всюду ярко выступать, а их несовместимые стороны необходимо отделять одну от другой.

Помимо этого фактического различия между типами войн, надлежит точно и определенно установить еще практически столь же необходимую точку зрения, что война есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами³. Если эта точка зрения будет всюду строго проведена, то она внесет большее единство в рассмотрение вопроса и поможет во всем легче разобраться. Хотя эта точка зрения найдет свое отражение главным образом в 8-й части этого сочинения, все же она должна быть подробно развита уже в 1-й части и принята в расчет при переработке первых шести частей. Благодаря такой переработке первые шесть частей освободятся от излишнего балласта, многие пробелы заполнятся и сгладятся, а некоторые общие места отольются в определенные мысли и приобретут законченную форму.

7-ю часть «Наступление», для которой уже набросаны отдельные главы, следует рассматривать как отражение, рефлекс части 6-й. Она должна быть разработана в соответствии с указанной выше основной точкой зрения и не только не потребует новой переделки, но может послужить образцом для разработки первых шести частей.

Для 8-й части «План войны», трактующей об организации войны в целом, уже набросано несколько глав, которые, однако, даже нельзя рассматривать как проработанный материал; это лишь попытка вработаться в его массу, с тем чтобы только в процессе самой работы распознать, в чем заключается дело. Эту задачу я считаю разрешенной, и, закончив 7-ю часть, я намерен приступить к разработке 8-й, в которой обе указанные выше точки зрения должны отчетливо выступить вперед; они должны упростить и тем самым одухотворить всю мою систему взглядов. Надеюсь, что этой книгой мне удастся разглядеть кое-какие складки, образовавшиеся в мозгах стратегов и государственных людей; по крайней мере, она точно выяснит, о чем, собственно, идет речь и что следует учитывать при ведении войны.

Когда мне удастся путем разработки 8-й части установить полную ясность в своих мыслях и определить главнейшие очертания войны, то мне уже не будет трудно отразить этот дух и эти очертания войны в первых шести частях. Поэтому я приступлю к переработке первых шести частей лишь после окончания 8-й.

Если преждевременная смерть прервет эту мою работу, то все, что здесь написано, справедливо может быть названо бесформенной массой идей; подвергшись превратным толкова-

³ Далее примечания, сделанные советской редакцией.

ниям, они могут послужить материалом для злословия многих незрелых критиков. В подобных случаях всякий воображает, что мысли, которые ему взбредут в голову, едва он возьмется за перо, достаточно хороши, чтобы быть высказанными и даже напечатанными, причем они кажутся ему столь же неоспоримыми, как дважды два четыре. Но если бы такой критик дал себе труд, подобно мне, в течение многих лет размышлять над этим предметом, постоянно сопоставляя ход мыслей с историей войн, то он проявил бы в своих замечаниях большую осторожность.

И все же, несмотря на незаконченность моего труда, я полагаю, что читатель, свободный от предрассудков, жаждущий истины и подлинного убеждения, найдет в первых шести частях плод многолетних размышлений и усердного изучения войны и, быть может, усвоит те основные мысли, из которых может возникнуть целая революция в общепринятой теории.

Берлин, 10 июля 1827 г.

Помимо этого пояснения, между бумагами покойного оказался следующий незаконченный отрывок, по-видимому написанный значительно позднее:

«Рукопись о ведении большой войны, которую найдут после моей смерти, в настоящем ее виде должна оцениваться лишь как собрание отдельных частей, из которых должна была быть построена теория большой войны. Большой частью своего труда я еще не удовлетворен, а 6-я часть может рассматриваться лишь как опыт; мне хотелось бы ее совершенно переработать и найти для нее другое русло.

Однако главные линии в обрисовке войны, господствующие в этом материале, я считаю правильными; они являются результатом всестороннего размышления с постоянным уклоном к практике жизни, с постоянным учетом того, чему научили меня опыт и общение с выдающимися военными деятелями.

7-я часть должна была заключать наступление, но пока это только беглые наброски. 8-я часть должна была содержать в себе план войны; в нее я предполагал включить особый разбор политической стороны войны, а также рассмотреть ее с точки зрения гуманности.

Единственной законченной я считаю I главу 1-й части. По отношению ко всему сочинению в целом она является указателем того направления, которого я намерен был держаться.

Теория большой войны, или так называемая стратегия, представляет чрезвычайные трудности, и можно с полным основанием утверждать, что немногие имеют об отдельных ее частностях представление ясное, т. е. доведенное до понимания зависимости, вытекающей из существующей между ними причинной связи. Большинство людей следует указаниям только интуиции⁴ и действует более или менее удачно, в зависимости от степени присущей им гениальности.

Так действовали все великие полководцы; в том и заключались отчасти их величие и гениальность, что у них был такт – всегда попадать в цель. Так всегда будет в области практической деятельности; для нее интуиции совершенно достаточно. Однако, когда стоит вопрос не об единоличных действиях, а о том, чтобы на совещании убедить других, тогда необходимы ясность представления и способность усмотреть внутреннюю связь рассматриваемых явлений. Но так как люди мало развиты в этом отношении, то большинство совещаний сводится к беспочвенным пререканиям, причем они заканчиваются либо тем, что каждый остается при своем мнении, либо соглашением, по которому одни уступают другим и останавливаются на среднем пути, по существу не имеющем никакой ценности.

Поэтому ясные представления в этих вопросах не бесполезны; кроме того, человеческому разуму вообще присуще стремление к ясности и установлению необходимой причинной связи.

⁴ Мы переводим словом «интуиция», которого Клаузевиц не употреблял, выражение «такт суждения». – Ред.

Большие трудности, которые представляет такое философское наблюдение военного искусства, и многочисленные неудачные попытки его создать заставляют многих утверждать, что подобная теория невозможна, ибо речь идет о предметах, которые не охватываются каким-либо постоянным законом. Мы согласились бы с этим мнением и отказались бы от всякой попытки создать какую-либо теорию, если бы целый ряд положений не устанавливался с полной ясностью и без всякого труда, например: что оборона – более сильная форма войны, но преследующая лишь негативную цель, наступление же – более слабая форма, имеющая позитивную цель; что крупные успехи ставят в свою зависимость более мелкие и что поэтому стратегические воздействия можно свести к определенным главным ударам; что демонстрация представляет собою более слабое использование сил, чем действительное наступление, а потому она является допустимой лишь при наличии особых условий; что победа заключается не просто в захвате поля сражения, а в физическом и моральном сокрушении вооруженных сил противника, достигаемом большей частью лишь преследованием после выигранного сражения, что успех бывает наибольшим на том направлении, на котором одержана победа, а потому переброска с одной линии и с одного направления на другие может рассматриваться лишь как необходимое зло; что обход может оправдываться только превосходством над противником вообще или превосходством наших линий сообщения или путей отступления над неприятельскими; что фланговые позиции обуславливаются тем же соотношением, что каждое наступление по мере продвижения вперед ослабляет себя».

От автора

В наши дни нет надобности доказывать, что понятие о научном не заключается всецело или преимущественно в системе и в ее законченном ученом построении. В нашем изложении на первый взгляд нельзя найти никакой системы, а вместо законченного ученого построения для него имеются только отдельные части.

Научная форма заключается здесь в стремлении исследовать сущность явлений войны и показать их связь с природой элементов, из которых они состоят. Философские заключения не избегались, но в тех случаях, когда связь доходила до крайне тонкой нити, автор предпочитал ее обрывать и снова прикреплять к соответствующим явлениям опытного порядка. Подобно тому как некоторые растения приносят плоды лишь при условии, что они не слишком высоко вытянули свой стебель, так и в практических искусствах листья и цветы теории не следует гнать слишком вверх, но держать их возможно ближе к их родной почве – реальному опыту.

Бесспорно, было бы ошибкой пытаться узнать строение колоса по химическому составу пшеничного зерна; ведь вполне достаточно выйти в поле, чтобы увидеть готовый колос. Исследование и наблюдение, философия и опыт никогда не должны относиться друг к другу с пренебрежением или отрицанием: они поддерживают друг друга. Логические построения, содержащиеся в этой книге, опираются небольшими сводами присущей им необходимости на внешние точки опоры: опыт или понятие сущности войны; таким образом, построения эти не лишены устоев⁵.

* * *

Написать систематическую, глубокую и содержательную теорию войны, может быть, и возможно, но все появившиеся до сих пор теории далеки от этого идеала. Не говоря уже об их полной ненаучности, надо признать, что в их стремлении к связанности и законченности системы они переполнены избытыми положениями, общими местами и всякого рода пустословием. Как яркий пример приведем цитату Лихтенберга из правил по тушению пожаров:

«Когда загорается дом, надо прежде всего стараться оградить от огня правую стену дома, стоящего налево от горящего дома, и левую стену дома, стоящего направо от него. Ибо если бы, для примера, мы захотели защитить левую стену стоящего влево дома, то, так как правая сторона дома стоит вправо от левой стены и так как огонь, в свою очередь, находится вправо и от этой стены, и от правой стены (ибо мы условились, что дом стоит влево от огня), правая стена оказывается расположенной ближе к огню, чем левая, и, следовательно, правая стена могла бы сгореть, если ее не защищать от огня раньше, чем огонь дойдет до левой, которая защищена; следовательно, кое-что могло бы сгореть, что не защищено, и притом раньше, чем загорится нечто другое, даже если бы последнее не защищалось, а потому надо оставить последнее и защищать первое. Чтобы точно запечатлеть все это в памяти, следует твердо усвоить одно правило: когда дом расположен вправо от огня, то защищать надо левую его стену; когда же дом расположен влево от огня, то правую».

Дабы не отпугнуть читателя, обладающего живым умом, такими общими местами и не обезвкусить водянистыми рассуждениями те немногие хорошие мысли, которые заключены в настоящей книге, автор предпочел сообщить в форме небольших зерен чистого металла то,

⁵ Что у многих военных писателей, особенно у тех, которые хотели научно обосновать природу войны, дело обстоит иначе, доказывают многие примеры. В своих рассуждениях pro et contra (за и против) они уничтожают друг друга в такой степени, что в результате от них не остается даже хвостов, как в известном анекдоте о двух пожирающих друг друга львах. (*Примеч. первого немецкого издания.*) Это примечание во втором немецком издании (1853), с которым сверялся настоящий перевод, заканчивается словами: «уничтожают друг друга». Сравнение с пожирающими друг друга львами опущено. – *Ред.*

чего он достиг в итоге многолетних размышлений о войне, общений с людьми, знакомыми с военным делом, и разнообразного личного опыта. Так возникли внешне слабо связанные между собой главы этой книги, которые, однако, надо надеяться, не лишены внутренней связи. Может быть, скоро появится более могучая голова, которая вместо отдельных зерен даст единый слиток чистого металла без примеси шлака.

Часть первая

Природа войны

Глава I

Что такое война?

1. Введение

Мы предполагаем рассмотреть сначала отдельные элементы нашего предмета, затем его части и, наконец, весь предмет в целом, в его внутренней связи, т. е. переходить от простого к сложному. Однако здесь, больше чем где бы то ни было, необходимо начать со взгляда на сущность целого (войны); в нашем предмете, более чем в каком-либо другом, вместе с частью всегда должно мыслиться целое.

2. Определение

Мы не имеем в виду выступить с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент – единоборство. Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель – сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак, война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостать насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя, в сущности, его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия вне понятий о государстве и законе не существует) является средством, а целью⁶ будет – навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться. Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее как нечто непосредственно к самой войне не относящееся.

3. Крайняя степень применения насилия

Некоторые филантропы могли бы, пожалуй, вообразить, что обезоружить и сокрушить противника можно искусственным образом, без особого кровопролития и что к этому именно и должно было бы стремиться военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не

⁶ В нашем научном языке термины «политическая цель войны» и «цель военных действий» уже укоренились, и мы сочли возможным удержать их. Читатель должен, однако, иметь в виду, что в первом случае Клаузевиц здесь употребляет слово «Zweck», а во втором – «Ziel». Как ни близки эти оба слова к русскому «цель», однако они представляют разные оттенки. – Ред.

менее она содержит заблуждение, и его следует рассеять. Война – дело опасное, и заблуждения, имеющие своим источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия, и нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно, из-за отвращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства.

Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обуславливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимными отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны, а является приводящим извне. Введение же в философию самой войны принципа ограничения и умеренности представляет полнейший абсурд.

Борьба между людьми проистекает в общем счете из двух совершенно различных элементов; из враждебного чувства и из враждебного *намерения*. Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий. Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; между тем часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно никаким или, во всяком случае, не связанные с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения, возникающие из эмоций, а у народов цивилизованных – намерения, обуславливаемые рассудком. Однако это различие вытекает не из существа дикого состояния или цивилизации, а из сопровождающих эти состояния обстоятельств, организации и пр. Поэтому в каждом отдельном случае это различие может и не иметь места, но в большей части случаев оно оказывается налицо; словом, и цивилизованные народы могут воспылать взаимной ненавистью.

Отсюда ясно, как ошибочно было бы сводить войну между цивилизованными народами к голому рассудочному акту их правительств и мыслить ее как нечто все более и более освобождающееся от всякой страсти. В последнем случае достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе соотношения между ними, т. е. подменить реальную борьбу решением своеобразной алгебраической формулы.

Теория двинулась уже было по этому пути, но последние войны⁷ излечили нас от подобных заблуждений. Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувства. Если последнее и не всегда бывает ее источником, то все же война более или менее тяготеет к нему, и это «более или менее» зависит не от степени цивилизованности народа, а от важности и устойчивости враждующих интересов.

Таким образом, если мы видим, что цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это происходит оттого, что в руководство военными действиями все более и более вмешивается разум, который и указывает более действенные способы применения насилия, чем эти грубые проявления инстинкта.

Изобретение пороха и постепенное усовершенствование огнестрельного оружия в достаточной мере свидетельствуют о том, что и фактический рост культуры несколько не парализует и не отрицает заключающегося в самом понятии войны стремления к истреблению противника.

⁷ Подразумеваются Наполеоновские войны. – *Ред.*

Итак, мы повторяем свое положение: война является актом насилия, и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей. В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся.

4. Цель военных действий – лишить противника возможности сопротивляться

Выше мы отметили, что цель военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться. Теперь покажем, что это определение является необходимым для теоретического понимания войны.

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем та жертва, которую мы от него требуем при этом; конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий, должны ставить противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере таково должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая страна, – это полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его.

Война не может представлять действия живой силы на мертвую массу, и при абсолютной пассивности одной стороны она вообще немыслима. Война всегда является столкновением двух живых сил; поэтому конечная цель военных действий (сокрушение противника) должна иметься у обеих сторон. Таким образом, мы опять встречаемся с процессом взаимодействия. Пока противник не сокрушен, я должен опасаться, что он сокрушит меня, следовательно, я не властен в своих действиях, потому что противник мне диктует законы точно так же, как я диктую их ему. Это и есть второе взаимодействие, приводящее ко второй крайности.

5. Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет собою результат двух тесно сплетающихся факторов; *размера средств, которыми он располагает, и его воли к победе*⁸.

Размер средств противника до некоторой степени поддается определению (хотя и не вполне точно), потому что здесь все сводится к цифрам. Гораздо труднее учесть его волю к победе; мерилom здесь могут быть только побуждения, толкающие противника на войну. Определив указанным способом (с известной степенью вероятности) силу сопротивления противника, мы оцениваем наши силы и стремимся достичь перевеса их или же, в случае невозможности этого, доводим их до наивысшей доступной нам степени. Но к тому же стремится и наш противник; отсюда вновь возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии стремление к крайности. Это составляет третье взаимодействие и третью крайность, с которыми мы сталкиваемся.

⁸ В подлиннике – «сила воли». – *Ред.*

6. Изменения под влиянием действительности

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью – с конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые заложены в них самих. Поэтому, если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами мы непременно впали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений. Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжным измышлением, не имеющим никакого отношения к действительности.

Если даже предположить, что этот крайний предел напряжения есть нечто абсолютное, которое легко может быть установлено, то все же приходится сознаться, что человеческий дух с трудом подчинился бы таким логическим фантазмагориям. Во многих случаях потребовалась бы бесполезная трата энергии; она встретила бы противовес в других принципах государственной политики; явилась бы надобность в такой усилении воли, которое не находилось бы в соответствии с намеченной целью, а потому и не могло бы быть достигнуто, ибо человеческая воля никогда не черпает своей силы из логических ухищрений.

Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности. В области отвлеченного над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности? Это могло бы иметь место лишь в случае:

- 1) если бы война была абсолютно изолированным актом, возникающим совершенно внезапно и не связанным с предшествующей государственной жизнью;
- 2) если бы она состояла только из одного решающего момента или из ряда одновременных решающих актов;
- 3) если бы она сама в себе заключала окончательное решение и на нее не оказывал бы влияния заблаговременный учет того политического положения, которое сложится после ее окончания.

7. Война никогда не является изолированным актом

Относительно первого условия надо заметить, что противники не являются друг для друга чисто отвлеченными лицами; не могут они быть отвлеченными и в отношении того фактора в комплексе сопротивления, который не покоится на внешних условиях, а именно – воли. Эта воля не есть что-то вовсе неизвестное; ее «завтра» делается сегодня⁹. Война не возникает внезапно; ее распространение (Verbreitung) не может быть делом одного мгновения. Поэтому каждый из обоих противников может судить о другом на основании того, что он есть и что он делает, а не на основании того, чем он, строго говоря, должен был бы быть и что он должен был бы делать. Человек же вследствие своего несовершенства никогда не достигает предела

⁹ В оригинале буквально: «она проявляется в том, чем она будет завтра, в том, чем она была сегодня». – *Ред.*

абсолютно лучшего, и, таким образом, проявления недочетов с обеих сторон служат умеряющим началом.

8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени

Второй пункт наводит на следующие замечания. Если бы исход войны зависел только от одного решающего момента или от нескольких одновременных решающих актов, то все приготовления обладали бы тенденцией к крайности, потому что всякое упущение было бы неправым. В таком случае приготовления противника, поскольку они нам известны, были бы единственным предметом из мира действительности, который давал бы нам некоторое мерило, все же остальное принадлежало бы абстракции. Но раз решение войны заключается в ряде последовательных актов, то естественно, что каждый предшествующий акт со всеми сопровождающими его явлениями может служить мерилom для последующего; таким образом, и здесь действительность вытесняет отвлеченное и умеряет стремление к крайности.

Несомненно, что всякая война заключалась бы в одном решительном или в нескольких одновременных решающих столкновениях, если бы предназначенные для борьбы средства выставлялись или могли бы быть выставлены сразу. Неудачное решение неизбежно уменьшает средства борьбы, и если бы они все были применены в первом же сражении, то второе было бы немыслимо. Военные действия, которые имели бы затем место, по существу являлись бы только продолжением первого.

Однако мы видели, что уже в подготовке к войне учет конкретной обстановки вытесняет отвлеченные понятия и на замену предпосылки крайнего напряжения вырабатывается какой-то реальный масштаб; таким образом, уже по одной этой причине противники в своем взаимодействии не дойдут до предела напряжения сил, и не все силы будут выставлены с самого начала.

Но и по природе и характеру этих сил они не могут быть применены и введены в действие все сразу. Эти силы – *собственно вооруженные силы, страна с ее поверхностью и населением и союзники*.

Страна с ее поверхностью и населением, помимо того, что она является источником всех вооруженных сил в собственном смысле этого слова, составляет сама по себе одну из основных величин, определяющих ход войны; часть страны образует театр военных действий; не входящие в последний области оказывают на него заметное влияние.

Конечно, можно допустить, что одновременно вступят в дело все подвижные боевые силы; но это невозможно в отношении крепостей, рек, гор, населения и пр., – словом, всей страны, если последняя не настолько мала, чтобы первый акт войны мог охватить ее целиком. Далее, сотрудничество союзников не зависит от воли воюющих сторон. В природе международных отношений заложены факторы такого порядка, которые обуславливают вступление союзников в войну лишь позднее; иногда союзники окажут помощь только для восстановления уже утраченного равновесия.

В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому, даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает *полного одновременного сбора всех сил*. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием к тому, чтобы понижать напряжение сил для первого решительного действия; ведь неблагоприятный исход первого столкновения является всегда существенным ущербом, которому никто добровольно подвергаться не станет. Чем значительнее будет первый успех, тем

благотворнее его влияние на последующие, несмотря на то что он не является единственным, определяющим конечную победу. Однако предвидение возможности отсрочить достижение победы приводит к тому, что человеческий дух в своем отвращении к чрезмерному напряжению сил прикрывается этим предлогом и не сосредоточивает и не напрягает своих сил в должной мере в первом решительном акте. Все те упущения, которые одна сторона допускает вследствие своей слабости, служат объективным основанием для другой стороны к умерению своего напряжения; здесь опять возникает взаимодействие, благодаря которому стремление к крайности низводится до степени умеренного напряжения.

9. Исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного

Наконец, даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими политическими отношениями. Насколько такой взгляд должен умерять напряжение и интенсивность усилий, ясно само собой.

10. Возможности действительной жизни вытесняют крайности и отвлеченные понятия

Таким образом, война освобождается от сурового закона крайнего напряжения сил. Раз перестают бояться и добиваться крайности, то рассудок получает возможность устанавливать пределы потребного напряжения сил. Данные, вытекающие из явлений действительной жизни, подвергаются оценке на основе законов вероятности. Раз оба противника уже перестали быть отвлеченными понятиями, а являются индивидуальными государствами и правительствами, раз война – уже не отвлеченное понятие, а своеобразно складывающийся ход действий, то данными для раскрытия ожидаемого неизвестного будут служить действительные явления.

Исходя из характера организации, состояния и положения противника и руководствуясь теорией вероятности, каждая из борющихся сторон будет строить свою оценку его намерений и соответственно намечать собственные действия.

11. Политическая цель войны вновь выдвигается на первый план

Здесь снова в поле нашего исследования попадает тема, которую мы уже рассматривали (п. 2): *политическая цель войны*. Закон крайности – намерение обезоружить противника, сокрушить его – до сих пор в известной степени заслонял эту цель. Но, поскольку закон крайности теряет в своей силе, а с ним отступает и стремление сокрушить противника, постольку политическая цель снова выдвигается на первый план. Если все обсуждение нужного напряжения сил представляет собою лишь расчет вероятностей, основывающихся на определенных лицах и обстоятельствах, то *политическая цель* как *первоначальный мотив* должна быть весьма существенным фактором в этом комплексе. Чем меньше жертва, которой мы требуем от нашего противника, тем меньше сопротивления мы можем от него ожидать. Но чем ничтожнее наши требования, тем слабее будет и наша подготовка. Далее, чем незначительнее наша политическая цель, тем меньшую цену она имеет для нас и тем легче отказаться от ее достижения, а потому и *наши усилия будут менее значительны*.

Таким образом, политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилом как для цели, которая должна быть достигнута при помощи военных действий, так и для определения объема необходимых усилий. Поскольку мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными понятиями, и политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму

в себе; она находится в зависимости *от взаимоотношений обоих государств*. Одна и та же политическая цель может оказывать весьма одинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь *отчетливо представляя себе ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть*. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс. Легко понять, что результаты нашего расчета могут быть чрезвычайно различны в зависимости от того, преобладают ли в массах элементы, действующие на напряжение войны в повышательном направлении или в понижательном. Между двумя народами, двумя государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе политический повод к войне вызовет напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв.

Все это касается усилий, вызываемых в обоих государствах политической целью, а также цели, которая будет поставлена военным действиям. Иногда политическая цель может совпасть с военной, например завоевание известных областей. Порой политическая цель не будет сама по себе пригодна для того, чтобы служить выражением цели военных действий. Тогда в качестве последней должно быть выдвинуто нечто, могущее считаться эквивалентным намеченной политической цели и пригодным для обмена на нее при заключении мира. Но и при этом надо иметь в виду индивидуальные особенности заинтересованных государств. Бывают обстоятельства, при которых эквивалент должен значительно превышать размер требуемой политической уступки, чтобы достичь последней. Политическая цель имеет тем более решающее значение для масштаба войны, чем равнодушнее относятся к последней массы и чем менее натянуты в прочих вопросах отношения между обоими государствами. Бывают случаи, что только ею одной определяется степень обоюдных усилий.

Раз цель военных действий должна быть эквивалентна политической цели, то первая будет снижаться вместе со снижением последней, и притом тем сильнее, чем полнее господство политической цели. Этим объясняется, что война, не насилуя своей природы, может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением простого вооруженного наблюдения. Последнее приводит нас к новому вопросу, который нам предстоит еще развить и дать на него ответ.

12. Этим еще не объясняются паузы в развитии военных действий

Как бы ни были незначительны взаимные политические требования обоих противников, как ни слабы выдвинутые с обеих сторон силы, как ни ничтожна задача, поставленная военными действиями, – может ли развитие войны замереть хотя бы на одно мгновение? Это – вопрос, проникающий глубоко в самую сущность предмета.

Каждое действие требует для его выполнения известного времени, которое мы назовем *продолжительностью действия*. Последняя может быть большей или меньшей в зависимости от поспешности, вкладываемой в нее действующей стороной.

Эта большая или меньшая степень поспешности нас в настоящую минуту не интересует. Каждый исполняет свое дело по-своему. Медлитель не потому ведет свое дело кропотливо, что желает потратить на него больше времени, а потому, что это свойственно его природе, и при спешке он выполнит бы его хуже. Следовательно, затрачиваемое время зависит от внутренних причин, а его количество составляет продолжительность действия.

Если мы каждому действию на войне предоставим свойственную ему продолжительность, то будем вынуждены, по крайней мере на первый взгляд, признать, что всякая затрата времени сверх этой продолжительности (т. е. приостановка военных действий) бессмысленна.

При этом не следует забывать, что здесь речь идет не о продвижении вперед одного или другого противника, а о поступательном ходе военных действий в целом.

13. Основание для задержки действий может быть только одно, и оно всегда, казалось бы, может быть только у одной стороны

Если обе стороны изготовились к борьбе, то к этому их побудило некоторое враждебное начало; до тех пор, пока они не сложили оружия, т. е. не заключили мира, это враждебное начало остается в силе; оно может временно смолкнуть у какой-либо из воюющих сторон лишь при условии, *что последняя хочет выждать более благоприятного времени для действия*¹⁰. На первый взгляд, казалось бы, это условие может иметься налицо лишь у одной из сторон, ибо оно *eo ipso*¹¹ становится для другой противоположным началом. Раз в интересах одного – действовать, в интересах другого – выждать.

Полное равновесие сил не может вызвать приостановки в развитии военных действий, так как в этом случае сторона, поставившая себе положительную задачу (нападающая), должна продолжать наступление.

Наконец, представим себе равновесие в том смысле, что тот, у кого политическая цель войны положительная, а следовательно, имеется более сильный мотив наступать, в то же время располагает меньшими силами, так что равновесие получается из сочетания мотивов и сил; в этом случае надо сказать, что, если нет основания ожидать перемены в состоянии равновесия, обеим сторонам следует заключить мир; если же предвидится изменение равновесия, то оно может быть благоприятным лишь для одной из сторон, а следовательно, должно побуждать другую приступить к действиям. Мы видим, что понятие равновесия не объясняет приостановки действий, и в этом случае дело опять сводится к выжиданию благоприятного момента.

Предположим, что одно из двух государств поставило себе положительную цель: завоевать известную область противника, чтобы получить нужную уступку при заключении мира. После завоевания политическая цель оказывается достигнутой, потребность в действиях исчезает, наступает успокоение. Если и противник готов примириться с этим успехом, он заключит мир; в противном же случае он будет действовать. Представим себе, что через 4 недели он будет лучше для этого подготовлен; таким образом, у него будет достаточное основание для отсрочки своих операций.

Но логическая необходимость, казалось бы, должна заставить с этого момента действовать противную сторону с тем, чтобы не дать времени побежденному подготовиться к новой борьбе. Здесь, конечно, предполагается верная оценка всех обстоятельств данного случая обеими сторонами.

14. Тогда возникла бы непрерывность военных операций, которая снова толкала бы к крайним усилиям

Если бы такая непрерывность военных действий имела место в действительности, то она вновь толкала бы обе стороны к крайности. От такой деятельности, не знающей удержу и отдыха, настроение повысилось бы еще сильнее и придало бы борьбе еще большую степень страстности и стихийной силы. Благодаря непрерывности действий возникла бы более строгая последовательность, более ненарушимая причинная связь, и тем самым единичное действие стало бы более значительным и, следовательно, более опасным.

¹⁰ Клаузевиц вместо термина «операция» употреблял термин «действие». – *Ред.*

¹¹ Тем самым.

Однако мы знаем, что военные действия редко или даже никогда так непрерывно не ведутся. Известно множество войн, в которых операции занимали самую незначительную часть, остальное же время тратилось на паузы. Все же эти войны нельзя признать аномалией. Паузы в развитии военных действий вполне возможны и не должны являться противоречием по отношению к природе войны. Мы покажем теперь, что это именно так.

15. Здесь, следовательно, выдвигается принцип полярности (диаметральной противоположности)

Представляя себе интерес одного *полководца как величину, всегда противоположную* интересам другого, мы становимся на точку зрения признания подлинной *полярности*. В дальнейшем мы посвятим этому принципу отдельную главу, здесь же скажем о нем следующее.

Принцип полярности имеет силу лишь тогда, когда он мыслится по отношению к одному и тому же предмету, где положительная величина и ее противоположность (величина отрицательная) друг друга безусловно уничтожают. В сражении и та и другая сторона желает победить; это – подлинная полярность: победа одного уничтожает победу другого. Но если речь идет о двух различных явлениях, имеющих между собою общую связь, лежащую вне их, то полярны между собою не *эти явления*, а их отношения.

16. Нападение и оборона – явления различного рода и неравной силы, поэтому полярность к ним неприменима

Если бы существовала лишь одна форма войны, а именно нападение на противника, и не было бы обороны, или, иными словами, если бы наступление отличалось от обороны лишь преследованием позитивной цели, присущей первому и отсутствующей у второй, а сама борьба была бы всегда одной и той же, то в такой борьбе всякий успех одного был бы в то же время неудачей другого, и полярность действительно оказалась бы налицо.

Однако военные действия проявляются в двух формах – наступлении и обороне, которые, как мы ниже покажем на фактических примерах, весьма различны по своей природе и не равны по силе. Поэтому полярность заключается в их отношении к решающему моменту, т. е. к бою, но отнюдь не в самом наступлении и обороне.

Если один полководец желает отсрочить решающий момент, то другой должен желать его ускорения, но лишь при условии, что он останется при избранной им форме ведения борьбы. Если интерес А заключается в том, чтобы напасть на противника не теперь, а через 4 недели, то интерес Б сведется к тому, чтобы быть атакованным не на 4 недели позже, а сейчас же. В этом заключается непосредственное противоположение; но отсюда вовсе не следует, что в интересах Б было бы теперь напасть на А; это представляет явление совершенно другого порядка.

17. Действие полярности часто уничтожается превосходством обороны над наступлением; этим и объясняются паузы в развитии военных действий

Раз оборона сильнее наступления (мы это докажем в дальнейшем), то возникает вопрос, настолько ли выгодна *отсрочка решения* для первой стороны, насколько выгодна *оборона* для второй? Где этого нет, там противоположности не уравниваются и, следовательно, течение военных действий будет обусловлено другими соображениями. Таким образом, как мы видим, побудительная сила, присущая полярности интересов, может затеряться в различии силы обороны и наступления и тем самым стать недействительной.

Итак, если тот, для кого настоящий момент благоприятен, настолько слаб, что не может отказаться от выгод обороны, то ему приходится мириться с ожиданием менее благоприятного для него будущего. Ему, быть может, все-таки выгоднее будет хотя бы и в этом неблагоприятном будущем вести оборонительный бой, чем переходить теперь в наступление или заключать невыгодный мир. А так как, по нашему убеждению, превосходство обороны (правильно понятой) чрезвычайно велико и гораздо больше, чем может казаться на первый взгляд, то это и может служить объяснением большинства пауз в развитии военных действий, отнюдь не противоречащих самой природе войны. Чем менее важны цели, преследуемые на войне, тем чаще и продолжительнее будут паузы вследствие различной силы обеих форм борьбы (нападения и обороны). Все это подтверждается опытом прошлого.

18. Вторая причина заключается в недостаточном проникновении в обстановку

Приостановку военных действий может вызвать также недостаточное уразумение создавшейся обстановки. Каждый полководец знает точно только собственное положение. Представление о положении противника он составляет, не имея вполне достоверных сведений. Полководец может ошибаться в своем суждении и вследствие этой ошибки полагать, что наступил момент для действий противника, в то время как в действительности следовало бы действовать ему самому. Такой недостаток разумения обстановки может, конечно, вызвать как несвоевременное действие, так и несвоевременное воздержание от него; сам по себе он не способствует ни задержке военных действий, ни их ускорению. Однако недостаточное проникновение в обстановку всегда должно рассматриваться как одна из естественных причин, отнюдь *не противоречащих природе войны и могущих приостановить ход военных действий*. Если принять во внимание, что мы всегда склонны и имеем больше оснований переоценивать силы противника, чем недооценивать их (такова человеческая природа), то приходится признать, что недостаточное проникновение в обстановку очень способствует задержке военных действий и является началом, умеряющим напряжение последних.

Возможность пауз, в свою очередь, вносит в развитие военных действий умеряющее начало, ибо паузы с течением времени уменьшают до известной степени интенсивность ведения войны, задерживают надвигающуюся опасность и увеличивают средства к восстановлению нарушенного равновесия. Чем напряженнее было положение, из которого возникла война, тем выше ее энергия и тем короче будут паузы, и, наоборот, паузы будут тем длиннее, чем слабее напряжение войны. Преследование более крупных целей повышает волю к победе, а последняя, как мы знаем, является крупным фактором, творящим силу.

19. Частые паузы в развитии военных действий еще более удаляют войну от абсолюта и еще более ставят ее в зависимость от учета возможностей

Чем медленнее протекают военные действия, чем чаще и длительнее остановки в них, тем легче бывает исправить ошибку, тем смелее становится действующая сторона в своих предположениях, тем меньше она приближается к черте крайности и строит все на учете возможностей (вероятностей). Для оценки же обстановки в условиях, определяемых самой природой конкретного случая, быстрый или медленный ход военных действий предоставляет большее или меньшее количество времени.

20. Таким образом, чтобы обратить войну в игру, нужен лишь элемент случайности, но в нем никогда недостатка нет

Отсюда мы видим, насколько объективная природа войны сводит ее к учету шансов; теперь недостает лишь одного элемента, чтобы обратить ее в *игру*, – это *случай*.

Никакая другая человеческая деятельность не соприкасается со случаем так всесторонне и так часто, как война. Наряду со случаем в войне большую роль играет неведомое, риск, а вместе с ним и счастье.

21. Война обращается в игру не только по своей объективной, но и по субъективной природе

Если рассмотреть *субъективную природу* войны, т. е. те силы, с которыми приходится ее вести, то она еще резче представится нам в виде игры. Стихия, в которой протекает военная деятельность, – это опасность; *мужеству* отводится самая важная роль.

Правда, мужество может уживаться с мудрым расчетом, но оба эти качества совершенно разного порядка и отражают различные духовные силы человека; напротив, *отвага*, *вера в свое счастье*, *смелость*, *лихость* – не что иное, как проявление мужества, ищущего неведомого риска потому, что там – его стихия.

Итак, с самого начала мы видим, что абсолютное, так называемое математическое, нигде в расчетах военного искусства не находит для себя твердой почвы. С первых же шагов в эти расчеты вторгается игра разнообразных возможностей, вероятность счастья и несчастья. Эти элементы проникают во все детали ведения войны и делают руководство военными действиями, по сравнению с другими видами человеческой деятельности, более остальных похожим на карточную игру.

22. В общем это часто находит отклик в духовной природе человека

Хотя наш рассудок постоянно стремится к ясности и определенности, но наш дух (*Geist*) часто привлекается неведомым. Дух человека почти никогда не идет вместе с рассудком по узкой тропе философского исследования и логических умозаключений; ведь, двигаясь по этому пути, он почти бессознательно достигает таких областей, где все ему родственное и близкое кажется оторванным, оставшимся далеко позади; поэтому дух человека и его воображение предпочитают пребывать в царстве случая и счастья. Взамен скудной необходимости он роскошествует там среди богатств возможного; вдохновляемое последними мужество окрыляется, и, таким образом, риск, дерзание и опасность становятся той стихией, в которую мужество устремляется подобно отважному пловцу, бросающемуся в бурный поток.

Должна ли теория покинуть его здесь и самодовольно идти вперед путем абсолютных заключений и правил? Если так, то она бесполезна для жизни. Теория обязана считаться с человеческой природой и отвести подобающее место мужеству, смелости и даже дерзости. Военное искусство имеет дело с живыми людьми и моральными силами; отсюда следует, что оно никогда не может достигнуть абсолютного и достоверного. Для риска всегда остается простор, и притом одинаково широкий как в самых великих, так и в самых малых делах. Риску противопоставляются храбрость и вера в свои силы. Насколько велики последние, настолько же велик может быть и риск – простор, предоставленный неведомому. Таким образом, мужество и вера в свои силы являются для войны существенными началами; поэтому теория должна выдвигать лишь такие законы, в сфере которых эти необходимые и благороднейшие военные добродетели

могут свободно проявляться во всех своих степенях и видоизменениях. И в риске есть своя мудрость и даже осторожность, только измеряются они особым масштабом.

23. Война тем не менее всегда остается серьезным средством для достижения серьезной политической цели. Ближайшее определение войны

Такова война, таков руководящий ею полководец и такова теория, которая ее регулирует. Но война – не забава, она – не простая игра на риск и удачу, не творчество свободного вдохновения; она – серьезное средство для достижения серьезной цели. Все цвета радуги, которыми переливается счастье на войне, все волнения страстей, храбрость, фантазия и воодушевление, входящие в ее содержание, – все это только специфические особенности войны как средства.

Война в человеческом обществе – война целых народов, и притом народов цивилизованных, – всегда вытекает из политического положения и вызывается лишь политическими мотивами. Она, таким образом, представляет собой политический акт. Если бы она была совершенным, ничем не стесняемым, абсолютным проявлением насилия, какой мы определили ее, исходя из отвлеченного понятия, то она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики как нечто от нее совершенно не зависимое. Война вытеснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся мине, не подчинилась бы никакому управлению и никакому руководству, а находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации. Так до сих пор и представляли это дело всякий раз, когда недостаток в согласованности между политикой и стратегией приводил к попыткам теоретического опознания. Однако дело обстоит иначе, и такое представление в самой основе своей совершенно ложно. Действительная война, как видно из сказанного, не является крайностью, разрешающей свое напряжение одним единственным разрядом. Она находится под действием сил, развивающихся не вполне одинаково и равномерно; порою прилив этих сил оказывается достаточным для того, чтобы преодолеть сопротивление, оказываемое им инерцией и трением, порою же они слишком слабы, чтобы проявить какое-либо действие. Война представляет до известной степени пульсацию насилия, более или менее бурную, а следовательно, более или менее быстро разрешающую напряжение и истощающую силы. Иначе говоря, война более или менее быстро приходит к финишу, но течение ее, во всяком случае, бывает достаточно продолжительным для того, чтобы дать ему то или другое направление, т. е. сохранить подчинение ее руководящей разумной воле.

Если принять во внимание, что исходной данной для войны является известная политическая цель, то естественно, что мотивы, породившие войну, остаются первым и высшим соображением, с которым должно считаться руководство войной. Но из этого не следует, что политическая цель становится деспотическим законодателем; ей приходится считаться с природой средства, которым она пользуется, и в соответствии с этим самой часто подвергаться коренному изменению; тем не менее политическая цель является тем, что прежде всего надо принимать в соображение. Таким образом, политика будет проходить красной нитью через всю войну и оказывать на нее постоянное влияние, разумеется, поскольку это допустит природа сил, вызванных к жизни войной.

24. Война есть просто продолжение политики другими средствами

Итак, мы видим, что война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, осуществление их другими средствами. То, что еще остается в ней своеобразного, относится лишь к своеобразию ее средств. Военное искусство в целом и полководец в каждом отдельном случае вправе требовать, чтобы направление

и намерения политики не вступали бы в противоречие с военными методами. Это требование отнюдь не является незначительным; но сколь бы сильно полководец в отдельных случаях ни воздействовал на политические намерения, это воздействие следует рассматривать только как видоизменение их, ибо политическое намерение является целью, война же только средство, а никогда нельзя мыслить средство без цели.

25. Виды войны

Чем грандиознее и сильнее мотивы войны, тем больше они охватывают все бытие народов; чем сильнее натянутость отношений, предшествовавших войне, тем больше война приблизится к своей абстрактной форме, тем больше вопрос сведется к тому, чтобы сокрушить врага, тем более военная и политическая цели совпадут, тем больше война представится чисто военной, менее политической. Чем слабее мотивы войны и напряжение, тем меньше естественное направление военного элемента (насилия) будет совпадать с линией, которая диктуется политикой, и, следовательно, тем значительнее война будет отклоняться от своего естественного направления. Чем сильнее политическая цель расходится с целью *идеальной* войны, тем больше кажется, что война становится политической.

Но мы должны здесь, во избежание неправильных представлений у читателя, заметить, что под этой *естественной тенденцией* войны мы подразумеваем только философскую, собственно *логическую* тенденцию, а не тенденцию действительных сил, находящихся в столкновении; не следует подразумевать под этим, например, все духовные силы и страсти сражающихся. Правда, последние в некоторых случаях могут находиться в состоянии такого возбуждения, что их трудно сдерживать в пределах, намечаемых политикой; однако большей частью такого противоречия не возникает, ибо при существовании столь сильных импульсов возник бы и соответствующий грандиозный политический план. В тех же случаях, когда план нацеливается на малое, обычно и подъем духовных сил в массах оказывается ничтожным, и эту массу скорее приходится подталкивать, чем сдерживать.

26. Все виды войны могут рассматриваться как политические действия

Итак, возвращаясь к главному, если верно, что при одном виде войны политика как будто совершенно исчезает, в то время как при другом – выступает весьма определенно, то все же можно утверждать, что первый вид войны является в такой же мере политическим, как и другой. Ведь если на политику смотреть как на разум олицетворенного государства, то в сочетаниях, охватываемых его расчетом, могут входить и такие сочетания, при которых характер создавшихся отношений вызывает войну первого вида.

Второй вид войны можно было бы считать более охватываемым политикой только в том случае, если под политикой условно разуметь не всестороннее проникновение, а осторожное, лукавое, да пожалуй, и нечестное мудрствование, избегающее открытого употребления силы.

27. Последствия такого взгляда для понимания военной истории и для основ теории

Итак, мы видим, во-первых, что ни при каких условиях мы не должны мыслить войну *как нечто самостоятельное*, а должны ее рассматривать как орудие политики; только при этом представлении возможно избежать противоречия со всей военной историей. Только при этом представлении эта великая книга становится доступной разумному пониманию. Во-вторых,

именно такое понимание показывает нам, сколь различны должны быть войны по характеру своих мотивов и тех обстоятельств, из которых они зарождаются.

Первый, самый великий, самый решительный акт суждения, который выпадает на долю государственного деятеля и полководца, заключается в том, что он должен правильно опознать в указанном отношении предпринимаемую войну; он не должен принимать ее за нечто такое, чем она при данных обстоятельствах не может быть, и не должен стремиться противоестественно ее изменить. Это и есть первый, наиболее всеобъемлющий из всех стратегических вопросов; ниже, при рассмотрении плана войны, мы остановимся на нем подробнее. Пока мы ограничимся тем, что установим основную точку зрения на войну и на ее теорию.

28. Вывод для теории

Итак, война бывает не только настоящим хамелеоном, так как она в каждом конкретном случае несколько изменяет свою природу, но также и в своих общих проявлениях, по отношению к господствующим в ней тенденциям, она представляет собой своеобразную троицу, составленную из насилия как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать как *слепой природный инстинкт*, из игры вероятностей и случайностей, что делает ее *свободной душевной деятельностью*; из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она становится достоянием непосредственно *рассудка*.

Первая из этих трех сторон обращена больше к *народу*, вторая к полководцу и его *войску*, а третья к правительству. Страсти, разгорающиеся во время войны, должны существовать в народах еще до ее начала; размах, который приобретает игра храбрости и таланта в царстве вероятностей и случайностей, зависит от индивидуальных свойств полководца и особенностей армии; политические же цели войны принадлежат исключительно правительству.

Эти три тенденции, представляющие как бы три различных ряда законов, глубоко коренятся в природе самого предмета и в то же время изменчивы по своей величине. Теория, которая захотела бы пренебречь одной из них или пыталась бы установить между ними произвольное соотношение, тотчас впала бы в такое резкое противоречие с действительностью, что поставила бы на себе крест.

Таким образом, задача теории – сохранить равновесие между этими тремя тенденциями как между тремя точками притяжения.

Отыскание путей для разрешения этой трудной задачи составляет предмет нашего исследования в части этого сочинения, названной «О теории войны». Во всяком случае, только что установленное понятие войны явится первым лучом света, который осветит построение теории и даст нам возможность разобраться в огромном ее содержании.

Глава II Цель и средства в войне

Познакомившись в предыдущей главе с изменчивой и сложной природой войны, приступим к исследованию влияния этой природы на цели и средства войны.

Если мы начнем с вопроса о цели военных действий, на которую должна ориентироваться вся война в целом, чтобы быть надежным орудием политики, то мы увидим, что эта военная цель столь же изменчива, как изменчива политическая цель, как различны условия войны.

Если мы начнем с того, что вернемся к отвлеченному понятию войны, то нам придется сказать, что собственно политическая цель войны находится вне ее пределов, ибо если война есть акт насилия, направленный на то, чтобы принудить противника выполнить нашу волю, то *все всегда* должно было бы сводиться к сокрушению врага, т. е. к лишению его возможности

оказывать сопротивление. Сначала рассмотрим в обстановке реальности эту выведенную из чистого понятия цель; действительность дает нам много приближающихся к ней случаев.

Впоследствии при рассмотрении плана войны мы подробнее исследуем, что значит *обезоружить государство*, лишить его возможности оказывать сопротивление; пока же мы будем различать три элемента, являющихся объектами общего порядка, охватывающими все остальное. Это – *вооруженные силы, территория и воля противника*.

Вооруженные силы противника должны быть *уничтожены, т. е. приведены в состояние, в котором они уже не могут продолжать борьбу*. Следует иметь в виду, что впредь мы будем разуметь «уничтожение вооруженных сил противника» именно в этом значении.

Территория должна быть завоевана, потому что она может явиться источником новых вооруженных сил.

Но даже после достижения того и другого нельзя считать, что война (враждебное напряжение и действие враждебных сил) прекратилась, пока не сломлена воля противника, т. е. его правительство и союзники не принуждены подписать мир или народ не приведен к покорности, потому что даже в то время, когда мы вполне овладеем неприятельской страной, борьба может снова возгореться внутри страны или при содействии союзников врага извне. Конечно, такой случай может иметь место и *после* заключения мира, но это лишь доказывает, что не всякая война приносит с собой полное решение и окончательную развязку. Впрочем, при заключении мира каждый раз угасает множество искр, которые втихомолку продолжали бы тлеть, напряжение обеих сторон ослабевает, потому что все склонные к миру умы, а таких в каждом народе и при всех обстоятельствах немало, окончательно отходят от линии сопротивления. Во всяком случае, с заключением мира следует считать цель достигнутой и дело войны исчерпанным.

Так как из трех указанных выше элементов вооруженные силы противника предназначены для обороны страны, то естественный порядок действий заключается в том, чтобы сперва уничтожить вооруженные силы, затем завоевать страну и благодаря этим двум успехам и положению, которое мы тогда займем, принудить неприятеля к заключению мира. Обычно уничтожение вооруженных сил неприятеля происходит постепенно, и с той же последовательностью, шаг за шагом, идет завоевание страны. При этом одно влияет на другое; потеря областей, в свою очередь, ведет к ослаблению вооруженных сил. Но такой порядок, конечно, необязателен и потому не всегда имеет место. Вооруженные силы неприятеля могут, не подвергая себя чувствительным ударам, отступить к противоположной границе страны или даже за ее пределы. При таких обстоятельствах большая часть страны или даже вся страна окажется завоеванной.

Однако эта *цель абстрактной войны – лишить неприятеля возможности сопротивляться* – лишь крайнее средство для достижения политической цели, в котором концентрируются все остальные; в действительности полное обезоруживание врага далеко не всегда имеет место и не является необходимым условием для заключения мира, а следовательно, и не может выдвигаться теорией как непререкаемый закон. Существует множество примеров, когда заключение мира имело место раньше, чем одна из воюющих стран могла быть признана лишенной возможности сопротивляться, даже раньше, чем произошло заметное нарушение равновесия. Мало того, если мы обратимся к конкретным примерам, то будем вынуждены признать, что в целом ряде таких случаев, а именно когда противник значительно сильнее, сокрушение его являлось бы бесплодной игрой фантазии.

Причина, почему цель, выведенная из отвлеченного понятия войны, не всегда оказывается уместной в войне действительной, заключается в том различии между ними, которое установлено нами в предыдущей главе. Если бы война была такой, какой она является в отвлеченном понятии, то между двумя государствами, обладающими заметно неравными силами, она была бы абсурдной, невозможной. Неравенство физических сил не должно было бы превосходить того предела, который можно уравновесить силами моральными; а этот предел в европейских странах при современном состоянии нашего общества очень близок. Поэтому,

если войны и ведутся между государствами, обладающими *далеко не равными силами*, то это происходит оттого, что война, *как она протекает в действительности, часто значительно отличается от ее начального, отвлеченного понятия*.

Есть два обстоятельства, которые могут служить, помимо полной невозможности сопротивления, мотивом к заключению мира. Первое – невероятность успеха, второе – слишком высокая его цена.

Война в целом, как мы видели в предыдущей главе, уклоняется от строгого закона внутренней необходимости и идет по пути, указываемому оценкой обстановки; и это происходит тем чаще, чем больше приходится приспосабливаться войне к тем отношениям, из которых она возникла, чем ничтожнее мотивы и степень напряженности этих отношений. Отсюда понятно, что из самого учета возможностей могут возникнуть мотивы к заключению мира. Таким образом, не всегда является надобность доводить войну до полного сокрушения одной из сторон. Если причины взаимного напряжения незначительны, надо полагать, что будет достаточно одного призрака будущих неудач, чтобы принудить к уступчивости сторону, перед которой этот призрак обозначился. Если другая сторона убеждена в этом, то естественно, что она будет стремиться лишь к тому, чтобы создать *эту возможность*, и не станет на кружный путь – добиваться полного сокрушения неприятеля.

Еще более широкое влияние на решение заключить мир оказывают соображения о совершенной уже и еще предстоящей затрате сил. Так как война не является слепым актом страсти, а в ней господствует политическая цель, то ценность последней должна определять размер тех жертв, которыми мы готовы купить ее достижение. Это одинаково касается как *объема*, так и *продолжительности* принесения жертв. Таким образом, как только потребуется затрата сил, превышающая ценность политической цели, от последней приходится отказываться; в результате заключается мир.

В войнах, где ни та ни другая сторона не в состоянии окончательно лишить своего противника возможности сопротивления, мотивы к заключению мира у обеих сторон то растут, то уменьшаются в зависимости от оценки вероятности будущих успехов и требуемой затраты усилий. Если бы эти мотивы оказались одинаковой силы у обеих сторон, то последние сошлись бы на середине их политических претензий; когда основания к заключению мира усиливаются у одной стороны, они должны ослабевать у другой; но если сумма мотивов обеих сторон окажется достаточной, то мир будет заключен, разумеется, с выгодой для той стороны, у которой побуждения к заключению мира будут слабее.

Мы сознательно не касаемся здесь различия, которое непременно должно сказаться на военных действиях под влиянием *позитивной или негативной* природы политической цели. Хотя оно и имеет огромное значение, что будет указано ниже, здесь мы должны пока оставаться на общей точке зрения. Первоначальные политические намерения подвергаются в течение войны значительным изменениям и в конце концов могут сделаться совершенно иными *именно потому, что они определяются достигнутыми успехами и их вероятными последствиями*.

Тут возникает вопрос: каким путем возможно воздействовать на вероятность успеха? Прежде всего, конечно, при помощи тех же средств, которые ведут к сокрушению, – *уничтожение вооруженных сил противника и завоевание территории*; но эти средства уже несколько отличаются от того, чем они были при нашем устремлении к сокрушению. Далеко не одно и то же, когда мы нападаем на неприятеля в расчете после первого удара нанести ему целый ряд последующих с тем, чтобы сокрушить все его вооруженные силы, или когда мы намерены удовлетвориться одной победой, способной поколебать уверенность противника, дать ему почувствовать наше превосходство и таким образом вызвать в нем опасение за будущее. Если такова наша цель, то к разгрому его сил мы будем стремиться в той мере, в какой это для нее необходимо. Если мы не задаемся целью сокрушить противника, то и завоевание неприятельских тер-

риторий явится мероприятием другого порядка. При сокрушении подлинные операции заключаются именно в уничтожении вооруженных сил противника, а завоевание областей является лишь его следствием. На занятие территории раньше разгрома вооруженных сил приходится всегда смотреть как на необходимое зло. Напротив, в том случае, когда в нашу задачу не входит сокрушение неприятельских вооруженных сил и когда мы уверены, что и неприятель сам не ищет путей для разрешения спора на поле сражения и даже боится их, то занятие слабо или вовсе не обороняемой области уже *само по себе представляет известную выгоду*. Если такой успех оказывается достаточно крупным, чтобы внушить противнику опасение за окончательный исход войны, то он может представить кратчайший путь к заключению мира.

Теперь мы наталкиваемся еще на одно своеобразное средство: воздействие на вероятность успеха, не сокрушая вооруженных сил противника. Это – предприятия, *непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения*. Иногда открывается возможность операций, позволяющих отколоть или парализовать союзников противника, набирать нам новых союзников, создать выгодные для нас политические комбинации и пр.; все это повышает вероятность успеха, и этот путь к намеченной нами цели по сравнению с сокрушением вооруженных сил может оказаться гораздо более кратким.

Второй вопрос заключается в том, каковы могут быть средства воздействия на увеличение расхода сил противника, т. е. на повышение приносимых им жертв.

Расход сил противника заключается в *износе его вооруженных сил*, что достигается разрушением их нашими усилиями, и в *потере областей*, следовательно, в *завоевании* их нашими войсками.

При ближайшем рассмотрении станет само собой ясным, что и удары, наносимые вооруженным силам неприятеля, и захват его областей, преследующий цель увеличить расход неприятельских сил, имеют различное значение по сравнению с одноименными действиями, принимаемыми в целях сокрушения. Мы не должны смущаться, что в большинстве случаев это различие будет очень незначительно; в действительной жизни при слабых поводах к вражде самые тонкие оттенки отношений имеют решающее влияние на характер применения сил. В данном случае мы стремимся лишь показать, что при известных условиях, кроме уничтожения сил врага, имеются и иные пути достижения поставленной цели и что эти пути не содержат в себе *внутреннего противоречия*, не являются *абсурдом* и даже не составляют *ошибки*.

Помимо обоих указанных способов, имеются еще три своеобразных пути, непосредственно ведущих к увеличению затраты сил противника. Первый – это вторжение, т. е. *завоевание неприятельской территории, но не для удержания ее за собой, а с целью собрать с нее контрибуцию или даже опустошить ее*. Непосредственной целью в данном случае будет не завоевание страны, не сокрушение вооруженных сил противника, а *нанесение ему как врагу вообще убытков*. Второй путь будет заключаться в том, чтобы дать нашим операциям целеустановку преимущественно на увеличение убытков неприятеля. Ничего нет легче, как наметить два различных направления для усилий наших вооруженных сил; из них одно безусловно заслуживает предпочтения в том случае, если дело сводится к тому, чтобы сокрушить неприятеля; другое является более прибыльным, если о сокрушении не может быть и речи. Принято признавать первое направление более военным, а второе – более политическим. Но, становясь на высшую точку зрения, мы придем к выводу, что оба они одинаково военные и каждое из них является целесообразным постольку, поскольку оно отвечает данным условиям. Третий путь – изнурение врага – по количеству обнимаемых им случаев наиболее важный. Мы выбрали это выражение не только для того, чтобы одним словом определить предмет, но и потому, что оно вполне выражает соответствующее понятие; это не только риторический оборот речи, как может показаться на первый взгляд. Под изнурением мы понимаем *постепенно наступающее, благодаря продолжительности действия, истощение физических сил и воли противника*.

Если мы хотим добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, то должны довольствоваться наиболее скромными целями, потому что крупная цель требует и большой затраты сил. Самая малая цель, какую мы можем себе поставить, – это чистое сопротивление¹², т. е. борьба без какого-либо позитивного задания. В этом случае наши средства окажутся относительно наибольшими, а следовательно, и результат явится наиболее обеспеченным. Как же далеко может простираться этот отказ от позитивных задач? Очевидно, он не может доходить до абсолютной пассивности, ибо простое претерпевание ударов не было бы борьбой; сопротивление – это уже действенность, которая должна уничтожить такое количество сил противника, чтобы он был вынужден отказаться от своего замысла. К этому только мы и будем стремиться в каждом отдельном случае, и в этом заключается негативная природа нашего задания.

Бесспорно, это негативное задание в каждом отдельном случае не может дать такого успеха, который дало бы позитивное в тех же условиях, при предпосылке, что последнему сопутствует удача. Но в том именно и состоит разница, что первое легче удастся, а следовательно, является более обеспеченным. То, чего в отдельном столкновении при негативном задании недостает в смысле действенности, надо восполнить временем – следовательно, продолжительностью борьбы; таким образом, это негативное задание, заключающее в себе принцип чистого сопротивления, является вместе с тем естественным средством добиться превосходства над противником продолжительностью борьбы, т. е. его изнурить.

В этом заключается основное различие между *наступлением и обороной*, пронизывающее всю область войны. Далее развивать эту тему мы сейчас не будем и удовольствуемся замечанием, что из самого негативного задания вытекают все сопутствующие ему преимущества, а также более сильные формы борьбы; здесь осуществляется философский закон динамики успеха, устанавливающий зависимость между размером и обеспеченностью успеха. Все это мы рассмотрим впоследствии. Негативное задание (сосредоточение всех средств для простого сопротивления) ставит в выгоднейшие условия борьбы; если это преимущество достаточно велико, чтобы *уравновесить* возможный перевес противника, то одной продолжительности борьбы будет достаточно для того, чтобы постепенно довести затрату сил противника до степени, уже не соответствующей его политической цели, и вынудить его отказаться от борьбы. Отсюда мы видим, что путь изнурения противника обнимает значительное число случаев, когда слабый может успешно бороться с более сильным.

Фридрих Великий ни в один момент Семилетней войны не имел возможности сокрушить австрийскую монархию и, конечно, неукоснительно пошел бы на гибель, если бы попытался вести борьбу в духе Карла XII. Но талантливое применение им мудрой экономии сил в течение 7 лет показало соединившимся против него державам, что затрата сил с их стороны становится гораздо большей, чем они предполагали вначале, – и они заключили мир.

Итак, в войне многие пути ведут к цели, причем не в каждом отдельном случае является надобность в сокрушении противника. *Истребление неприятельских вооруженных сил, завоевание провинций противника, временная их оккупация с целью использования их средств, предприятия, непосредственно предназначенные для оказания давления на политические отношения, наконец, пассивное выжидание ударов врага, все это – средства*, из которых каждое, в зависимости от особенностей конкретной обстановки, может быть применено с целью преодолеть волю противника. Мы можем указать еще целый ряд кратчайших лазеек к цели; назовем их аргументами *ad hominem*¹³. В какой области человеческой деятельности нам не встречаются эти искры личных отношений, перелетающие через любые материальные перегородки! Они

¹² Легкость чтения перевода выиграла бы, если бы мы заменили слово «сопротивление» словом «оборона». Однако это было бы крупной неточностью ввиду того, что Клаузевиц вкладывает в эти термины неодинаковое значение. Оборона – это сопротивление плюс переход в контратаку. – *Ред.*

¹³ Личного порядка. – *Ред.*

имеют исключительное значение на войне, где личность деятелей – в кабинете и в поле – играет такую крупную роль. Мы ограничиваемся здесь только намеком, ибо было бы педантизмом пытаться классифицировать эти методы. С ними число возможных путей, ведущих к достижению цели военных действий, растет до бесконечности.

Надо избегать недооценки различных кратчайших путей к цели; нельзя считать их редкими исключениями, а также признавать незначительными те различия в ведении войны, которые ими обуславливаются. Стоит только присмотреться к разнообразию политических целей, которые могут вызвать войну, и хотя бы приблизительно охватить взором расстояние, отделяющее войну на уничтожение, в которой ставится на карту политическое бытие, от войны, навязанной отживающим или даже вынужденным союзным договором. Между этими двумя видами войны существует множество градаций, встречающихся в действительности. Теория, отбросившая одну из градаций, с таким же правом могла бы отвернуться и от всех вообще, т. е. совершенно потерять контакт с миром действительности.

Так в общем обстоит дело с целью, которую приходится преследовать на войне; теперь обратимся к средствам.

Средство только одно – бой¹⁴. Как ни разнообразно слагается война, как ни далека она от грубого излияния гнева и ненависти в форме кулачной схватки, сколько бы к ней ни примешивалось постороннего бою элемента, бой всегда заключается в понятии войны, так как *бой является начальным пунктом*, от которого исходят все явления войны.

Что это всегда так, несмотря на величайшее разнообразие и сложные сочетания действительности, подтверждается крайне несложным доказательством. Все, что происходит на войне, ведется при посредстве вооруженных сил; *а там, где применяют вооруженную силу, т. е. вооруженных людей*, там по необходимости в основе должно лежать представление о бое.

Таким образом, все имеющее отношение к вооруженным силам – их создание, сбережение¹⁵ и использование – входит в сферу военной деятельности.

Создание вооруженных сил и сбережение их, несомненно, представляют собой только средство, использование же – цель.

Борьба на войне является не рядом одиночных схваток, а представляет целое, составленное из многих членов. В этом великом целом мы можем установить единства двойственного порядка, имеющие значение то объекта, то субъекта¹⁶. Войска организуются таким путем, что некоторая группа бойцов сводится в единство, а последнее, в свою очередь, непременно является членом единства более высокого порядка и т. д. Бой каждого из этих членов также представляет более или менее обособленное единство. В одно целое весь бой объединяется его целью, т. е. его *объектом*.

Каждое обособленное единство, которое мы можем в нем различить, называется *частным боем*.

Но если в основе всякого применения вооруженной силы лежит представление о бое, то использование вооруженных сил представляет не что иное, как установку и распорядок¹⁷ известного числа частных боев.

Таким образом, всякая военная деятельность имеет прямое или косвенное отношение к бою. Солдата призывают, одевают, вооружают, обучают, он спит, ест, пьет и марширует *только для того, чтобы в свое время в надлежащем месте вступить в бой*.

¹⁴ В оригинале – Kampf. Клаузевиц вкладывает в него иногда представление не об одном бое, а о всей боевой деятельности в целом. В дальнейшем мы будем переводить его словами «борьба» или «бой». – *Перев.*

¹⁵ Под сбережением здесь Клаузевиц подразумевает работу снабжения и прочих служб. – *Пед.*

¹⁶ Мысль Клаузевица: успех частного боя является, с одной стороны, целью для участвующей в нем войсковой части, с другой стороны – средством для достижения более высокой цели. – *Пед.*

¹⁷ Распорядок (Anordnung) боя относится Клаузевицем к тактике, установка (Feststellung) боя – к стратегии. – *Пед.*

Если, следовательно, все нити военной деятельности приводят к бою, то мы их сразу охватим, установив распорядок боя. Именно из распорядка боя и его осуществления проистекают последующие результаты, а отнюдь не непосредственно из предшествовавших бою условий. В бою вся деятельность направлена на уничтожение противника или, вернее, его боеспособности; это содержится в самом понятии боя. Поэтому уничтожение неприятельской вооруженной силы всегда будет средством для достижения цели боя.

Целью боя также может быть простое уничтожение вооруженных сил неприятеля, но это вовсе не обязательно; цель может быть и совершенно иной. Если, как мы видели, сокрушение противника не является единственным средством для достижения политической цели, если существуют и другие объекты, к которым можно стремиться на войне в качестве цели, то само собой разумеется, что эти объекты могут стать целью отдельных военных действий, а следовательно, и целью боев.

Но даже в тех случаях, когда общей целью является сокрушение вооруженных сил неприятеля, частные бои, являющиеся элементами сокрушения в целом, не обязательно будут иметь своей ближайшей целью уничтожение вооруженных сил.

Если вспомнить о многообразии подразделений крупной вооруженной силы и о множестве обстоятельств, оказывающих влияние на ее применение, то станет понятным, что и бой в целом такой вооруженной силы должен потребовать многообразных расчленений, соподчинений и сочетаний. При этом отдельным членам вооруженной силы, естественно, может ставиться множество частных целей, которые непосредственно не направлены на уничтожение неприятельских вооруженных сил; они будут, быть может, в весьма повышенной степени, способствовать этому уничтожению, но только косвенно. Когда батальон получает, например, приказ сбить неприятеля с какого-либо моста, горы и т. д., то обычно захват этих предметов представляет подлинную цель, а уничтожение находящихся там неприятельских сил будет лишь средством или побочным делом. Если неприятеля можно прогнать посредством простой демонстрации, то цель уже достигнута; но ведь обычно данный мост или гора занимается лишь для того, чтобы достигнуть более полного уничтожения вооруженных сил противника. Если такие явления наблюдаются на поле сражения, то то же самое, только в значительно увеличенном масштабе, повторяется на театре войны, где друг против друга стоят уже не две армии, а два государства, два народа, две страны. Здесь число возможных соотношений, а следовательно, и комбинаций значительно больше, распорядок может быть весьма разнообразным. Поэтому первое средство от последней цели всегда отделено на почтительное расстояние целой иерархией промежуточных целей.

Таким образом, по многим причинам представляется возможным, что уничтожение противостоящего неприятеля не является целью частного боя, а лишь средством. Во всех этих случаях дело уже не идет об осуществлении такого уничтожения, ибо этот бой является не чем иным, как *измерителем сил*, и имеет значение не сам по себе, а лишь по своему результату, т. е. исходу.

Такое соизмерение сил при очевидном неравенстве возможно произвести и путем арифметического подсчета. В таких случаях и не произойдет боя, так как слабейший своевременно уклонится.

Следовательно, цель боя не всегда заключается в уничтожении участвующих в нем вооруженных сил и может быть достигнута без действительного столкновения, посредством одной постановки вопроса о бое и складывающихся вследствие этого отношений. Отсюда становится понятным, почему оказывались возможными целые кампании, ведшиеся с большим напряжением, в которых фактические бои не играли существенной роли.

Военная история подтверждает это сотнями примеров. Мы не станем рассматривать, часто ли в подобных случаях бескровное решение оказывалось правильным, т. е. не заключало в себе *внутреннего противоречия* с природой войны, а также могли ли бы выдержать строгую

критику некоторые знаменитости, создавшие свою славу в этих походах; нам важно лишь показать *возможность* такого хода войны.

Война обладает только *одним* средством – *боем*; но при разносторонности своего применения бой открывает для нашего мышления все различные пути, связанные с его многообразными целями, и наше исследование как будто не продвинулось несколько вперед. Но это далеко не так, потому что из единственности этого средства исходит путеводная нить нашего исследования, тянущаяся через всю сложную ткань военной деятельности и объединяющая ее.

Мы рассматривали уничтожение неприятельских вооруженных сил как одну из целей, которую можно преследовать на войне, оставляя открытым вопрос о том, какое значение следует ему придать среди других целей. В каждом отдельном случае это будет зависеть от обстоятельств; в целом же этот вопрос был нами оставлен пока открытым. Теперь мы вновь к нему возвращаемся; постараемся теперь определить, какое значение надо придавать уничтожению неприятельских вооруженных сил.

Бой – это единственное действие на войне; в бою уничтожение противостоящих нам вооруженных сил есть средство, ведущее к цели. Это верно даже в том случае, когда фактически боя не происходило, потому что уклонение одной из сторон имело предпосылкой, что такое уничтожение оценивалось как несомненное. Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил лежит в основе всех военных действий. Оно – последняя точка опоры всех комбинаций, которые покоятся на нем, как свод зиждется на устоях. Следовательно, все действия происходят при предпосылке, что если бой, лежащий в их основе, действительно будет иметь место, то исход его должен быть *благоприятным*. Бой в крупных и мелких военных операциях представляет то же самое, что уплата наличными при вексельных операциях: как ни отдаленна эта расплата, как ни редко наступает момент реализации, когда-нибудь его час наступит¹⁸.

Если решение оружием составляет основу всех военных комбинаций, то из этого следует, что противник любую из них может *парализовать удачным для себя боем*. Нет даже надобности, чтобы этот успех был одержан противником в том самом бою, на котором мы непосредственно строили нашу комбинацию; тот же результат дает и каждый иной бой, лишь бы он был достаточно значителен; каждый крупный успех в бою, т. е. всякое уничтожение части вооруженных сил неприятеля, сказывается на всех прочих его частях; в этом отношении вооруженные силы подобны жидкости: вычерпывая последнюю в одном месте, мы понижаем общий уровень.

Таким образом, уничтожение неприятельских вооруженных сил всегда является наиболее высоким, наиболее действенным средством, которому уступают все остальные.

Конечно, мы можем приписывать уничтожению вооруженных сил противника более высокую действенность, лишь предполагая равенство всех прочих условий. Было бы большим заблуждением сделать из вышесказанного вывод, что слепое движение напролом всегда победит искусную осмотрительность. Неискусно бросаясь напролом, мы скорее придем к уничтожению собственных вооруженных сил, а не неприятельских, чего мы, конечно, не имеем в виду. Более значительная роль принадлежит не *пути*, а *цели*, и мы лишь уравниваем результат достижения одной цели с результатом достижения другой.

Когда мы говорим об уничтожении неприятельских вооруженных сил, – мы это настойчиво подчеркиваем, – нас ничто не обязывает ограничить это понятие одними материальными

¹⁸ Это место в труде Клаузевица, а также § 3 главы III части 2-й имел в виду Фридрих Энгельс в письме Карлу Марксу от 7 января 1858 г.: «Между прочим я читаю теперь „Войну“ Клаузевица. Оригинальный способ философствования, но по существу очень хорош. На вопрос, на каком наименовании остановиться – на военном искусстве или военной науке, ответ гласит, что война всего более подобна торговле векселями. Бой для войны – что расчет наличными в банкирском деле; как бы редко он в действительности ни происходил, но каждый оборот имеет в виду исключительно его, и в конце концов он должен иметь место и все решить» (Briefwechsel zwischen Marks und Engels. Stuttgart, 1913. Bd. II. S. 281–282). – *Ред.*

силами; мы подразумеваем и силы моральные, ибо моральные и физические силы теснейшим образом связаны и неотделимы одна от другой. Но именно здесь, когда мы ссылаемся на неизбежное воздействие, которое крупный акт уничтожения (значительная победа) оказывает на все остальные операции, мы должны обратить внимание на то, что моральный элемент является наиболее текучим, если можно так выразиться, а следовательно, легче всего распространяется по всем вооруженным силам. Противовесом преобладающего по сравнению со всеми остальными средствами значения уничтожения неприятельских вооруженных сил является его дороговизна и рискованность; последних можно избегать, только избирая себе иные пути.

Что средство это дорогое, само собой понятно, так как затрата собственных вооруженных сил при прочих равных условиях тем значительнее, чем больше ориентируются наши намерения на уничтожение неприятельских сил.

Опасность этого средства заключается в том, что высокая действенность, которой мы добиваемся, обратится в случае неудачи против нас со всеми ее величайшими невыгодами.

Поэтому другие пути при удаче обходятся менее дорого, а при неудаче не так опасны. Это, однако, справедливо только при условии, что эти методы применяются с обеих сторон, а именно, что неприятель идет теми же путями, что и мы; если же он изберет путь решительного боя, *мы должны будем, хотя бы против нашей воли, встать на ту же дорогу*. В этом случае все будет зависеть от исхода боя на уничтожение; ясно, что при всех прочих равных условиях мы в этом бою окажемся в худшем положении, так как частично свои намерения и средства ориентировали на другие задачи, чего не сделал наш противник. Две различные цели, из которых одна не составляет части другой, друг друга исключают; следовательно, сила, обращенная на достижение одной из целей, не может одновременно служить другой. Поэтому если одна воюющая сторона решилась идти по пути крупных решений силой оружия, то она уже имеет большой шанс на успех, если только уверена, что другая сторона не идет по этому пути, а хочет преследовать иную цель. Кто задастся этой целью, поступит разумно лишь в том случае, если он имеет основание предполагать, что и его противник не ищет крупных решений силой оружия.

Все, что мы говорили об ином направлении заданий и сил, относится к *позитивным* целям, которыми, помимо уничтожения неприятеля, можно задаваться на войне, и *не распространяется на чистое сопротивление*, избранное с намерением истощить противника. У простого сопротивления нет *позитивного* задания; наши силы не могут быть отвлечены против других объектов, так как предназначены парализовать намерения противника.

Тут нам приходится рассмотреть обратную сторону уничтожения неприятельских вооруженных сил, а именно – сбережение собственных сил. Оба эти стремления всегда идут рука об руку и находятся в постоянном взаимодействии. Они представляют существенные, неотъемлемые части одного и того же намерения. Нам остается выяснить, каковы будут последствия, если то или иное стремление получит перевес.

Стремление уничтожить неприятельские вооруженные силы преследует позитивную цель и ведет к позитивным успехам, увенчанием которых должно явиться сокрушение противника.

Сбережение собственных вооруженных сил преследует негативную цель и таким образом ведет к парализованию намерений неприятеля, т. е. к чистому сопротивлению, увенчанием которого является такая затяжка продолжительности действий, которая истощит силы противника.

Стремление к позитивной цели вызывает к жизни акт уничтожения, стремление к негативной цели побуждает выжидать.

Как далеко может и должно простирается такое выжидание, мы укажем при изложении учения о наступлении и обороне, к истоку которого мы вновь вернулись. Пока только отметим, что выжидание не должно быть совершенно пассивным, а также что в связанных с выжиданием действиях уничтожение принимающих в них участие неприятельских вооруженных сил

может служить целью в такой же степени, как и всякий другой предмет. Таким образом, было бы коренной ошибкой полагать, что негативное стремление непременно приводит к отказу от выбора своей целью уничтожения неприятельских вооруженных сил и к предпочтению бескровного решения. Перевес негативного стремления, конечно, может подать к этому повод, но такое решение всегда сопряжено с риском не попасть на правильный путь; последнее зависит от условий, находящихся не в нашей власти, а во власти противника. Этот иной, бескровный, путь борьбы никоим образом не может рассматриваться как естественное средство удовлетворения преобладающей заботы – сбережения наших вооруженных сил; напротив, если этот путь не будет соответствовать обстановке, то поведет только к их полной гибели. Очень многие полководцы впадали в такую ошибку и губили себя. Единственно логическое последствие перевеса негативного стремления – это отсрочка решения, в известной степени постановка себя под защиту выжидания решающего момента. Обычным последствием этого, насколько позволяет обстановка, является *откладывание действий во времени*, а поскольку с этим связано странство, то и отодвигание их в пространстве. Но при наступлении момента, когда без существенного ущерба откладывать решения нельзя, выгоды негативного метода действий должны считаться исчерпанными, и в этот момент неизменно должно выступить стремление уничтожить неприятельские вооруженные силы, стремление, сдерживавшееся до того противовесом, однако никогда окончательно не вытеснявшееся.

Из предыдущего мы видим, что на войне многие пути ведут к успешному концу – к достижению политической цели; но средство для этого только одно – бой; поэтому все подчинено высшему закону – *решению силой оружия*. Там, где противник фактически апеллирует к нему, отказываться от этой высшей инстанции нельзя. Воюющая сторона, желающая идти иным путем, должна быть уверена, что противник апеллировать не будет или проиграет свой процесс в этой высшей инстанции. Словом, уничтожение неприятельских вооруженных сил – первенствующая и преобладающая цель из всех, которые могут преследоваться на войне.

Что могут дать на войне другого рода комбинации, мы узнаем впоследствии и, разумеется, лишь постепенно. Здесь мы ограничиваемся одним общим признанием их *возможности* как чего-то, являющегося отклонением действительности от отвлеченного понятия войны и вызванного индивидуальными обстоятельствами. Но мы тут же должны подтвердить, что *кровавое разрешение кризиса*, стремление к уничтожению неприятельских вооруженных сил – первородный сын войны. Пусть осторожный полководец при ничтожных политических целях, при слабых мотивах, незначительном напряжении сил искусно нащупывает на поле сражения и в тиши кабинета пути, ведущие к миру, без крупных кризисов и кровавой развязки утилизирует специфически слабые стороны армии и правительства противника. Если его предположения достаточно мотивированы и дают основание рассчитывать на успех, мы не вправе его за это укорять, однако должны потребовать, чтобы он все время помнил, что идет обходными тропами, на которых его может настигнуть бог войны. Полководец ни на минуту не должен спускать глаз с противника, иначе он рискует попасть под удары боевого меча, имея в руках только франтовскую шпагу.

Мы обрисовали, что представляет собой война, каковы ее цели и средства, как она в изгибах действительности то больше, то меньше удаляется от начального абстрактного понятия, все время, однако, оставаясь в черте его влияния, контролируемая высшим законом решения силой оружия. Выводы из сказанного мы должны закрепить в нашем сознании и всякий раз иметь в виду при рассмотрении последующих вопросов, если мы хотим понять подлинные отношения между ними и своеобразное значение каждого из них и не впадать в вопиющее противоречие с действительностью, а в конце концов и с самими собой.

Глава III

Военный гений

Каждая специальная деятельность, выполнение которой требует известного совершенства (виртуозности), нуждается в соответствующих духовных способностях. Когда они проявляются в высокой степени и свидетельствуют о себе исключительными достижениями, дух, одаренный ими, называется гением.

Мы хорошо знаем, что это слово по широте своего смысла и по придаваемому ему толкованию применяется в весьма различном значении и что во многих случаях нелегко выразить на словах сущность гения; но так как мы не претендуем ни на звание философа, ни на звание словесника, то да будет нам позволено остановиться на значении этого понятия, принятом при обычном словоупотреблении, и под термином *гений* понимать чрезвычайно повышенную духовную способность к известного рода деятельности.

Чтобы объяснить это понятие и ближе ознакомиться с его содержанием, необходимо несколько остановиться на этой способности, на этом высоком качестве духа. Но мы не можем ограничиваться тем, кто отмечен необычайно высоким талантом, *гением* в собственном смысле этого слова, ибо это понятие не имеет точно определенных границ; мы будем рассматривать вообще духовные силы, совокупно направленные на военную деятельность, в которых мы вправе видеть *сущность военного гения*. Мы говорим о «совокупности», ибо военный гений не является какой-либо одной способностью (например, мужеством) при отсутствии других умственных и духовных способностей или при неприменимой для войны их ориентировке; напротив, он представляет *гармоническое сочетание способностей*, из которых та или другая преобладает, но ни одна не становится поперек другой.

Если бы от каждого из бойцов мы потребовали, чтобы он в большей или меньшей степени был военным гением, то наши армии были бы очень малочисленны. Военный гений обуславливается *своеобразным направлением* духовных сил, и он может лишь редко встречаться в том народе, где к духовным способностям предъявляют самые разносторонние требования и где они получают весьма многогранное развитие. Чем менее разнообразна деятельность народа, чем больше у него преобладает военная деятельность, тем чаще должен встречаться военный гений. Но это определяет только его распространение, а не его высоту, так как последняя зависит от общего духовного развития данного народа. Если мы взглянем на первобытный воинственный народ, то мы найдем, что в нем воинственный дух гораздо более распространен среди отдельных лиц, чем у цивилизованного народа, потому что у первого им обладает почти каждый воин, тогда как среди цивилизованных людей многие делаются воинами лишь по необходимости, а не по внутреннему влечению. Однако у первобытных народов никогда не встречается подлинно великого полководца и лишь крайне редко то, что можно было бы назвать военным гением; для этого требуется такое развитие умственных способностей, каким дикий народ обладать не может. Само собою разумеется, что у цивилизованных народов могут быть более или менее сильные военные наклонности и стремления, и чем они сильнее, тем чаще наблюдается воинственный дух в их армии и у отдельных лиц. А так как здесь это совпадает с высшими степенями духовного развития, то самых блестящих военных деятелей мы находим именно у таких народов; доказательством могут служить римляне и французы. Но величайшие имена полководцев у этих и других народов, прославивших себя на войне, появились лишь в период их подъема на высокую ступень цивилизации.

Уже это одно указывает, какую крупную роль играют умственные способности для высших степеней гения. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Война – область опасности, следовательно, *мужество* – важнейшее качество войны.

Мужество бывает двух родов: во-первых, мужество в отношении личной опасности, а во-вторых, мужество в отношении ответственности перед судом какой-нибудь внешней власти или же внутренней – совести. Здесь речь идет лишь о первом.

Мужество по отношению к личной опасности, в свою очередь, бывает двух родов: прежде всего человек может быть равнодушен к опасности в силу личных свойств, вследствие пренебрежения к жизни или по привычке; во всяком случае, это будет как бы *постоянное состояние*.

Во-вторых, мужество может исходить из положительных побуждений, каковы, например, честолюбие, любовь к родине, всякого рода воодушевление; в этом случае мужество – не состояние, а проявление настроения, чувств.

Понятно, оба эти вида мужества проявляются различно. Первый вид надежнее; сделавшись второй природой, он никогда не покидает человека; второй часто дает более высокие результаты; с первым связана стойкость, со вторым – отвага; при первом разум остается трезвым, при втором иногда изощряется, но порою и ослепляется. *Совпадая, оба эти вида дают самый совершенный тип мужества.*

Война – область физических усилий и страданий; чтобы не изнемочь под их бременем, нужны духовные и физические силы (врожденные или приобретенные – безразлично), делающие человека способным переносить испытания. Человек, обладающий этими качествами, соединенными со здравым рассудком, – отличное орудие для войны; эти свойства особенно распространены среди первобытных и полудивилизованных народов.

Продолжая наше исследование, мы найдем, что война требует от своих адептов *выдающихся умственных сил*. Война – область недостоверного; три четверти того, на чем строится действие на войне, лежит в тумане неизвестности, и, следовательно, чтобы вскрыть истину, требуется прежде всего тонкий, гибкий, проницательный ум.

Иной раз заурядный ум может случайно напасть на истину, другой раз выдающаяся храбрость может загладить промах, но на общем уровне успехов недостаток ума в большинстве случаев непременно скажется.

Война – область случайности; только в ней этой незнакомке отводится такой широкий простор, потому что нигде человеческая деятельность не соприкасается так с ней всеми своими сторонами, как на войне; она увеличивает неопределенность обстановки и нарушает ход событий.

Недостоверность известий и предположений – постоянное вмешательство случайности – приводит к тому, что воюющий в действительности сталкивается с совершенно иным положением вещей, чем он ожидал; это не может не отражаться на его плане или, по крайней мере, на тех представлениях об обстановке, которые легли в основу этого плана. Если влияние новых данных настолько сильно, что решительно отменяет все принятые предположения, то на место последних должны выступить другие, но для этого обычно не хватает данных, так как в потоке деятельности события обгоняют решение и не дают времени не только зрело обдумать новое положение, но даже хорошенько оглядеться. Впрочем, гораздо чаще исправление наших представлений об обстановке и ознакомление с встретившейся случайностью оказываются недостаточными, чтобы вовсе опрокинуть наши намерения, но могут все же их поколебать. Знакомство с обстановкой растет, но от этого наша неуверенность не уменьшается, а, напротив, увеличивается. Причина этого заключается в том, что необходимые сведения получаются не сразу, а постепенно. Наши решения непрерывно подвергаются натиску новых данных, и наш дух все время должен оставаться во всеоружии.

Чтобы успешно выдержать эту непрерывную борьбу с неожиданным, необходимо обладать двумя свойствами: во-первых, *умом, способным прозреть мерцанием своего внутреннего света сгустившиеся сумерки и нащупать истину*; во-вторых, *мужеством, чтобы последовать*

за этим слабым указующим проблеском. Первое свойство образно обозначается французским выражением «coup d'oeil»¹⁹, второе – *решимость*.

Бои на войне прежде и чаще всего привлекают наше внимание. В боях же время и пространство – важные элементы. В те времена, когда решительные действия конницы на полях сражений играли первенствующую роль, в понятии о *быстром и находчивом решении* на первый план выдвигалась правильная оценка времени и пространства; отсюда получилось это выражение, подчеркивающее лишь правильный глазомер. Многие писавшие о военном искусстве определили его в этом узком смысле. Но не следует упускать из виду, что вскоре под ним стали подразумевать все удачные решения, принятые в самый момент выполнения, – например, правильный выбор пункта атаки и пр. Отсюда в выражении «coup d'oeil» часто разумеется не просто физический глаз, но духовное око.

Естественно, что это выражение и его значение преимущественно относятся к области тактики, однако без него нельзя обойтись и стратегии, поскольку и в ней нужны быстрые решения. Если совлечь с этого понятия то, что ему придает оттенок чрезмерно образного и ограниченного, то оно будет означать не что иное, как быстрое улавливание истины, или совершенно непостижимой для среднего ума, или дающейся ему после продолжительного рассмотрения и обдумывания.

В каждом отдельном случае решимость – проявление мужества; когда же она становится постоянным свойством характера, она представляет духовный навык. Здесь имеется в виду не мужество перед лицом физической опасности, а мужество в отношении ответственности, так сказать, перед лицом моральной опасности. Этот вид мужества часто называли *courage d'esprit*²⁰, потому что он имеет своим источником рассудок; тем не менее он – проявление характера, а не рассудка. Голая рассудительность – далеко еще не мужество; часто самые рассудительные люди не обладают решимостью. Сперва рассудок должен пробудить ощущение мужества, которое затем будет его поддерживать и нести на своих плечах, ибо при быстром натиске событий над человеком господствуют скорее чувства, нежели мысли.

Итак, мы называем решимостью способность в обстановке действий, при недостаточных данных, устранять муки сомнений и опасности колебаний. При не вполне точном словоупотреблении решимостью называются и простая склонность к риску, смелость, отвага, дерзость. Однако в тех случаях, когда у человека есть достаточные данные (безразлично – субъективные или объективные, основательные или необоснованные), говорить о его решимости нет никаких оснований, потому что решимость предполагает сомнения, которых здесь нет.

При достаточных данных речь может идти только о силе или слабости. Мы не настолько педантичны, чтобы вступать в пререкания из-за небольшой неточности обычного словоупотребления; наше замечание имеет целью лишь устранить возможные неправильные возражения.

Итак, решимость, побеждающая состояние сомнения, может быть вызвана только разумом, притом своеобразным его устремлением. Мы утверждаем, что наличие широкого кругозора в соединении с мужеством еще не составляет решимости. Бывают люди, обладающие самым проницательным духовным взором; при решении труднейших задач у них нет недостатка в мужестве, они готовы многое взять на себя, но в трудные минуты они все-таки не могут принять никакого решения. Их мужество и проницательность стоят порознь, не протягивают друг другу руки и потому не производят третьего свойства – решимости. Последняя порождается лишь *актом* разума, осознавшего необходимость риска и тем побудившего волю. Этот своеобразный склад ума, побеждающий в человеке всякий иной страх страхом перед *колебаниями и медлительностью*, и есть то, что вырабатывает в сильных характерах реши-

¹⁹ Понятие, среднее между интуицией и глазомером. – *Ред.*

²⁰ Буквально: мужество ума. – *Ред.*

мость: поэтому люди, обладающие ограниченным умом, не могут быть решительными в нашем смысле. Они могут действовать в затруднительных случаях без колебаний, но тогда они это делают *необдуманно*, а у того, кто действует *необдуманно*, не может быть борьбы с самим собой вследствие каких-либо сомнений. Такой способ действия может порою казаться удачным, но мы вновь повторяем: только *общий уровень успехов* указывает на наличие военного гения. Если наше утверждение покажется странным кое-кому, кто знает иных гусарских офицеров, полных решимости, но которых, однако, нельзя почесть за глубоких мыслителей, тому мы напоминаем, что здесь говорится об особом направлении ума, а не о выдающейся мыслительной способности вообще.

Итак, мы полагаем, что решимость обязана своим существованием особому складу ума, и притом такому, который свойственен скорее мощным, чем блестящим, умам; мы можем подтвердить такую родословную решимости еще тем, что существует множество примеров, когда люди, проявлявшие на младших должностях величайшую решимость, утрачивали ее на высших. Они чувствуют необходимость принять решение, но сознают и опасность, заключающуюся в неправильном решении; а так как они не могут охватить порученное им дело, то их разум теряет прежнюю силу и они становятся тем более робкими, чем яснее сознают опасность нерешительности, которая их сковывает, и чем больше они привыкли действовать смело, сплеча.

При рассмотрении понятий «*coup d'oeil*» и решимости мы вплотную подошли к родственному понятию – к *присутствию духа*, играющему в царстве неожиданного, каким является война, большую роль; оно не что иное, как повышенная способность преодолевать неожиданное. Присутствием духа восхищаются и при метком ответе на неожиданный вопрос, и при быстром и находчивом действии при внезапной опасности. Этот ответ или действие могут и не представлять чего-нибудь необыкновенного, лишь бы оказались к месту. То, что по зрелому и спокойному обсуждению представляется чем-то вполне обыкновенным и не производит впечатления, нравится как результат мгновенной находчивости. Самое выражение «*присутствие духа*» весьма метко обозначает близость и скорость оказанной разумом помощи.

Следует ли приписать это дивное качество человека преимущественно особому складу ума или общей уравновешенности, зависит от природы данного случая, но наличие того и другого безусловно необходимо. Меткий ответ скорее говорит об остром уме, удачное мероприятие при внезапной опасности предполагает духовную уравновешенность.

Если мы бросим общий взгляд на четыре элемента, образующих атмосферу, в которой протекает война, – *опасность, физическое напряжение, неизвестность и случайность*, – то станет легко понятным, что требуется большая духовная и умственная сила, чтобы среди этой стихии уверенно и успешно продвигаться вперед. Эта сила, в зависимости от форм, принимаемых ею при различных обстоятельствах, в устах рассказчиков и составителей отчетов о военных действиях получает название *энергии, твердости, стойкости, силы духа или характера*. Все эти различные проявления героической натуры можно было бы рассматривать как одну и ту же силу воли, которая в зависимости от обстоятельств принимает различные формы; но как ни близки между собой эти понятия, все же они различны по содержанию; в интересах нашего исследования нужно разобраться в них несколько подробнее.

Для большей ясности укажем, что тяжесть, бремя или противодействие (назовите, как хотите, то, что вызывает напряжение духовных сил в начальнике) является в весьма малой степени результатом *непосредственной деятельности противника – его сопротивления и поступков*. Противник, во-первых, непосредственно воздействует только на личность командира, но не вмешивается в его деятельность как вождя. Когда неприятель оказывает сопротивление не два часа, а четыре, то начальник подвергается личной опасности двумя часами дольше, но размеры опасности тем меньше, чем выше положение начальника. Для главнокомандующего она равна нулю.

Во-вторых, упорное сопротивление неприятеля *непосредственно* влияет на начальника вследствие потерь в боевых средствах и связанной с этим ответственности. Озабоченность, вызываемая этими обстоятельствами, первая подвергает испытанию силу воли вождя и вызывает ее напряжение. Но мы утверждаем, что это далеко не самое тяжелое бремя, которое ему приходится нести, ибо в этом случае ему приходится справиться только с самим собой. Все прочее воздействие, оказываемое сопротивлением неприятеля, направлено на предводимых им бойцов и уже *через них влияет на вождя*.

До тех пор пока войска, исполненные мужества, сражаются бодро и охотно, начальнику редко представляется повод проявить значительную силу воли при преследовании своей цели; но когда возникнут затруднения, а это случится, как только от войск потребуются чрезвычайное напряжение, то дело уже не будет идти само собой, как хорошо смазанная машина; напротив, сама машина начнет оказывать сопротивление, и для его преодоления потребуются от начальника огромная сила воли. Под *этим сопротивлением* следует разумеать не прямое неповиновение или возражение, хотя в отдельных случаях и это имеет место, а общее впечатление упадка физических и моральных сил и муки сознания при виде кровавых жертв; начальнику придется бороться с ними внутри себя, а затем и среди подчиненных, передающих ему посредственно или непосредственно свои впечатления, настроения, беспокойства и стремления. По мере того как силы отдельных индивидов начинают падать, их уже не увлекает и не поддерживает собственная воля; все бремя инертности массы постепенно перекладывается на волю начальника; пламенем своего сердца, светочем своего духа он должен вновь воспламенить жар стремления у всех остальных и пробудить у них луч надежды; лишь поскольку он в состоянии это сделать, постольку он остается над массами, их властелином. Если этого нет, если его собственное мужество оказывается уже недостаточным, чтобы снова оживить отвагу всех остальных, масса увлечет его за собой в низменную область животной природы, бегущей от опасности и не знающей позора. Вот то бремя, которое мужество и сила духа вождя должны преодолевать в течение борьбы, если он стремится совершить выдающееся. Это бремя растет вместе с ростом масс, а следовательно, и сил; чтобы они соответствовали растущему бременю, у начальника должно быть их тем больше, чем выше занимаемый им пост.

Энергия действий отражает силу побуждений, которыми действия вызваны, причем побуждения могут иметь источником как убеждения разума, так и эмоцию духа. Последняя является необходимой, если требуется проявление крупных усилий.

Из всех высоких чувств, наполняющих человеческое сердце в пылу сражения, ни одно, надо признаться, не представляется таким могучим и устойчивым, как жажда славы и чести, которые так несправедливо унижаются в немецком языке заменой их двумя недостойными суррогатами – *честолюбием и славолубием*. Правда, злоупотребление этими гордыми стремлениями на войне обусловило самые возмутительные поступки по отношению к людскому роду, но по своему истоку эти чувства, конечно, принадлежат к числу наиболее благородных, какие только свойственны человеческой природе. На войне они – подлинное дыхание жизни, одухотворяющее огромное тело. Все остальные чувства, кажушиеся очень распространенными и возвышенными, – любовь к отечеству, фанатизм, чувство мести, всякого рода воодушевление, – не исключают необходимости в жажде славы и чести. Эти чувства, конечно, могут в общем возбудить толпу и повысить ее настроение, но они, не внушат вождю воли, сильнейшей, чем воля его спутников, что существенно необходимо, если он должен добиваться исключительных результатов. Другие чувства не превращают, подобно честолюбию, боевые успехи войск в личное свойство вождя, в которое последний вкладывает все свои силы; он усердно пашет, тщательно сеет и он же собирает обильную жатву. Именно это стремление всех начальников, начиная с высшего и кончая низшим, этого рода промышленность, эта конкуренция и прищипоривание возбуждают дееспособность войск и обеспечивают им успех. Бывал ли когда-нибудь великий полководец без честолюбия и мыслимо ли подобное явление?

Твердость означает сопротивляемость воли силе единичного удара, а *стойкость* – сопротивляемость продолжительности натиска. Эти качества очень близки, и часто одно выражение употребляют вместо другого, однако нельзя не отметить заметного различия между ними. Твердость по отношению к единичному сильному впечатлению может опираться только на силу чувств, стойкость же нуждается в большей мере в поддержке разума, так как она черпает свою силу в плановости, с которой связана всякая продолжительная деятельность.

Обратимся теперь к *силе темперамента*. Прежде всего возникает вопрос, что мы под этим подразумеваем.

Конечно, не пылкие и страстные порывы, – это противоречило бы общепринятому словупотреблению, – а способность повиноваться рассудку даже в момент величайшего возбуждения, в вихре самых бурных страстей. От одной ли силы разума зависит эта способность? Мы в этом сомневаемся. Тот факт, что встречаются люди с выдающимися умственными способностями, но не владеющие собой, не может, конечно, служить доказательством противного. На это можно было бы возразить, что здесь требуется особый склад ума, пожалуй не такой всеобъемлющий, но более крепкий. Мы будем ближе к истине, если предположим, что одним из свойств самого темперамента является способность подчиняться рассудку даже в момент наиболее бурных волнений; эту способность мы назовем *самообладанием*. Но есть совершенно особое чувство, которое у сильных духом вносит известное равновесие в разбушевавшиеся страсти, не устранив их, однако, и тем самым обеспечивает господство разума. Этот противовес – чувство человеческого достоинства, благороднейший вид гордости и глубочайшая душевная потребность *действовать всегда и всюду как существо, одаренное прозорливостью и разумом*. Поэтому мы скажем: сильный темперамент – у того, кто не теряет равновесия даже в моменты величайшего возбуждения.

Рассматривая отдельных людей с точки зрения их темперамента, мы, во-первых, заметим людей маловосприимчивых, называемых флегматиками или апатичными; во-вторых, очень впечатлительных, но чувства которых никогда не выходят за пределы определенной степени интенсивности, – людей чувствительных, но спокойных; в-третьих, встречаются люди крайне возбудимые, чувства которых вспыхивают быстро и бурно, как порох, но на короткое время; наконец, в-четвертых, людей, не поддающихся малым впечатлениям и вообще раскачивающихся только постепенно, но чувства которых сильны и устойчивы. Это – люди сильных, глубоких и скрытых страстей.

Корни этих различных темпераментов, по-видимому, простираются к грани, на которой *физическая* природа человеческого организма соприкасается с духовной; темперамент находится в зависимости от нервной системы этой амфибии, одной своей стороной обращенной к материи, другой – к духу. Нам, с нашей слабой философской подготовкой, не приходится дольше останавливаться на этом темном и сложном вопросе, но важно вкратце отметить, как проявляются эти различные натуры в сфере военной деятельности и можно ли от них ожидать значительной духовной силы.

Людей апатичных нелегко вывести из равновесия, но это, конечно, не признак духовной силы, потому что здесь вообще нет ее проявления. Однако не следует упускать из виду, что подобные люди на войне благодаря своей постоянной уравновешенности обладают известными, хотя и односторонними достоинствами. Они не чувствуют необходимости действовать, им не хватает импульса, активности, но зато они редко могут что-либо испортить.

Отличительная черта второй категории – проявление деятельности по незначительным причинам и подавленное состояние при крупных. В случае единичного несчастья они способны проявить кипучую активность; несчастье же целого народа повергает их в уныние, но не побуждает к деятельности.

На войне у этих людей не будет недостатка ни в активности, ни в уравновешенности, но совершить что-либо великое они обычно не в состоянии; исключение представляет собой

случай, когда люди этой категории обладают *очень сильным умом* и найдут в нем побуждения к великому. Но подобным натурам редко свойственен сильный, независимый ум.

Люди, бурно и быстро воспламеняющиеся, сами по себе мало пригодны для практической жизни, а следовательно, и для войны. Правда, импульс в них силен, но не выдерживает длительного напряжения. Однако если горячность этих людей имеет уклон в сторону храбрости и честолюбия, то они могут быть удачно использованы на войне на более низких должностях на том простом основании, что военные предприятия, которыми приходится руководить начальнику невысокого ранга, обычно являются несравненно более кратковременными. Здесь часто достаточно одного смелого решения, вспышки душевных сил. Дерзкий наскок, могучее «ура» – дело нескольких минут, в то время как смело начатое сражение затягивается на целый день, а поход – на целый год.

Подобным людям при порывистой быстроте их чувств вдвойне трудно сохранить душевное равновесие, поэтому они часто теряют голову, а это – худшее, что может случиться при руководстве военными действиями. Однако утверждение, что крайне возбудимые характеры никогда не бывают сильными, т. е. не могут сохранять равновесие в моменты сильнейшего возбуждения, противоречило бы опыту. Почему этим людям не было бы свойственно чувство собственного достоинства, раз большинство из них принадлежит к числу благороднейших натур? Но они редко успевают проявить эти свойства и впоследствии часто проникаются глубоким стыдом и угрызениями. Когда воспитание, самонаблюдение и жизненный опыт рано или поздно научат их остерегаться самих себя, чтобы в момент сильного возбуждения еще вовремя осознать покоящийся в их груди противовес – чувство собственного достоинства, – они способны проявить большую силу духа.

Наконец, люди, наружно спокойные, но глубоко чувствующие, относящиеся к предыдущему типу, как жар к пламени, более всего способны своей титанической силой сдвинуть и покатить огромный груз, под которым мы образно представляем трудности, сопряженные с военной деятельностью. Воздействие их чувств подобно движению огромных масс, хотя и медленному, но зато всесокрушающему.

Хотя подобные люди и не столь подвергаются натиску своих чувств и не бывают, на свое горе, в такой степени выбиты ими из колеи, однако было бы неправильным предполагать, что они никогда не теряют равновесия и не подчиняются действию слепой страсти; скорее, напротив, это будет случаться всякий раз при отсутствии у них гордого чувства самообладания или при его недостаточности. Чаще всего это наблюдается у выдающихся людей первобытных народов, где недостаток умственного развития всегда способствует господству страстей. Однако среди самых образованных народов и в самых образованных слоях часто случается, что людей уносят бури страстей, как уносили в Средневековье в лесную чащу олени прикрученных к ним браконьеров.

Итак, повторяем еще раз: сильным темпераментом обладает человек, способный не только сильно чувствовать, но и сохраняющий равновесие при самых сильных испытаниях и способный, несмотря на бурю в груди, подчиняться тончайшим указаниям разума, как стрелка компаса на корабле, волнуемом бурей.

Под понятием «сила характера» или вообще «характер» мы подразумеваем твердое отстаивание убеждений, безразлично, являются ли последние выводами из чужой или собственной системы взглядов или же возникают из принципов, норм, мгновенных впечатлений или других каких-либо проявлений разума. Однако *это постоянство* не может иметь места, если самые взгляды подвержены частым переменам. Изменение взглядов может явиться результатом не только чужого влияния, но и следствием эволюции своего разума; последнее указывает, однако, на особую неустойчивость данного лица. Ясно, что о человеке, меняющем каждую минуту свои взгляды, хотя бы все они исходили от него самого, нельзя сказать, что он обладает характером. Следовательно, характер приписывают или тому, чьи убеждения отлича-

ются значительным постоянством, потому что они глубоко обоснованы и ясны, а вследствие этого не подлежат изменению; или тому, у которого, как у флегматика, вяло функционирует деятельность рассудка и потому нет оснований к изменению сложившихся убеждений; или, наконец, тому, у которого налицо подчеркнутое проявление воли, вытекающей из руководящего принципа разума и до известной степени отвергающей перемену взглядов.

Между тем на войне под влиянием многочисленных и сильных впечатлений, при недовольности всех данных и всех оценок, имеется значительно больше возможностей человеку сбиться с избранного им пути, ввести себя и других в заблуждение, чем это бывает в иного рода человеческой деятельности.

Раздирающий душу вид опасности и страданий легко дает перевес чувству над доводами рассудка; при сумеречном освещении всех явлений составление о них глубокого и ясного представления так трудно, что смена взглядов становится более понятной и простительной. Здесь можно только улавливать и нащупывать истину и по таким шатким данным нужно действовать. Нигде не встречается такого расхождения во взглядах, как на войне. Поток впечатлений, противоречащих собственным убеждениям, течет непрерывно. Даже величайшая флегма рассудка едва может являться защитой. Впечатления слишком сильны, живы и в то же время всегда направлены против духовного равновесия.

Лишь общие принципы и взгляды, которые руководят деятельностью с *высшей* точки зрения, могут быть плодом ясного и глубокого проникновения; мнение о каждом конкретном случае стоит на них, как на якоре. Но трудность и заключается в том, чтобы не оторваться от этих плодов прежних размышлений, очутившись в потоке мнений и явлений, которые несет с собой настоящее. Между конкретным случаем и принципом часто оказывается значительное пространство, которое не всегда можно перекрыть достаточно ясной цепью умозаключений; здесь нужна и известная вера в себя, и не бесполезен некоторый скептицизм. Часто ничто не может помочь, за исключением одного руководящего правила, которое, будучи вынесено за скобки мышления, может господствовать над ним; это следующее правило: *при всяком сомнении держаться своего первоначального мнения и отказываться от него только по получении вполне убедительных данных*. Надо твердо верить в справедливость испытанных основных принципов и *при текучести* минутных явлений не забывать, что истинность последних невысокой пробы. Если во всех сомнительных случаях мы будем отдавать предпочтение своим прежним убеждениям и засвидетельствуем тем нашу верность или постоянство, то в наших действиях отразятся те устойчивость и последовательность, которые зовутся характером.

Легко понять, насколько душевная уравновешенность содействует силе характера. Люди большой духовной силы очень часто обладают и большим характером.

Сила характера приводит нас к ее уродливой разновидности – *упрямству*.

В каждом конкретном случае трудно сказать, где кончается первое и начинается второе, но различие в понятии устанавливается легко.

Упрямство *не является дефектом разума*; этим понятием мы определяем сопротивление правильному и лучшему пониманию данного явления; конечно, такое сопротивление не может быть делом разума, этой нашей способности понимать. Упрямство – *дефект темперамента*. Неподатливость воли и раздражительное отношение к чужим доводам происходят из особого рода самолюбия, для которого высшее *удовольствие* – *только своим умом властвовать над собой и другими*. Мы назвали бы упрямство своего рода тщеславием, если бы оно не было чем-то лучшим; тщеславие удовлетворяется видимостью, упорство же покоится на удовольствии, доставляемом сущностью.

Сила характера обращается в упрямство всякий раз, когда сопротивление чужим взглядам вытекает не из уверенности в правильности своих убеждений и не из следования высшему принципу, а из *чувства противоречия*. Если это определение, как мы уже заранее признались, мало помогает нам на практике, то все же оно помешает рассматривать упрямство

как *более высокую степень* силы характера. Если упрямство приближается и даже граничит с силой характера, то оно все-таки не повышенная его степень, а нечто существенно различное; бывают чрезвычайно упрямые люди, которые вследствие недочетов своего ума оказываются весьма слабохарактерными.

Очерченные нами качества мастерства выдающегося военачальника представляют свойства, в которых проявляются совместно дух и разум; теперь рассмотрим еще одну черту военной деятельности, пожалуй самую яркую, если не самую важную, не зависящую от духовных сил и предъявляющую требования лишь к умственным способностям. Она вытекает из отношения войны к местности и почве.

Это отношение, во-первых, *непреложно*; невозможно представить какое-либо проявление действий сформированной армии, совершаемое вне определенного пространства. Во-вторых, оно получает *решающее значение*, так как накладывает отпечаток на действия всех сил, а порой их совершенно изменяет; в-третьих, оно *топирается в самые детальные особенности данного участка, то схватывает широчайшие пространства*.

Отношение войны к местности и почве придает военной деятельности чрезвычайное своеобразие. Если мы взглянем на другие виды человеческой деятельности, имеющие известную связь с местностью (садоводство и земледелие, архитектура и гидротехнические сооружения, горное дело, охота и лесоводство), то все они ограничены скромными пространствами, которые в короткий срок могут быть обследованы с достаточной точностью. Между тем военачальник вынужден приспособить свою деятельность к пространству, на котором предстоит действовать и которое он ни осмотреть, ни обследовать, несмотря на всю энергию, не сможет; постоянная же смена событий редко позволит детально с этим пространством ознакомиться. Конечно, его противник находится в таком же положении, но, во-первых, общие обеим сторонам затруднения все же остаются затруднениями, причем начальник, преодолевший их благодаря таланту и опыту, получает огромное преимущество; во-вторых, такое равенство в затруднениях бывает лишь в общем, но отнюдь не в каждом конкретном случае; обычно один из двух противников (обороняющийся) гораздо лучше ознакомлен с местностью, чем другой.

Эту в высшей степени своеобразную трудность должна преодолеть особая способность ума, которая обозначается чересчур узким термином – *чувство местности*. Это – способность *быстро и верно составить геометрическое представление о любой местности* и, как следствие этого, всякий раз в ней затем хорошо ориентироваться. Очевидно, что это – работа воображения. Правда, что при этом восприятие отчасти создается при помощи зрения, отчасти при помощи рассудка, который своим проникновением, обостренным наукой и опытом, дополняет недостающее и из обрывков, уловленных глазом, составляет целое. Но для того, чтобы это целое затем ясно и живо выступило перед сознанием, стало картиной, мысленно начертанной картой, отдельные детали которой не распадаются и длительно сохраняются в памяти, нужна *духовная сила, которую мы называем воображением, фантазией*. Если гениальный поэт или художник почувствует себя оскорбленным в том, что мы Фантазии – их богине – приписываем такого рода деятельность, если он будет пожимать плечами, услышав на основании сказанного, что находчивый молодой охотник обладает хорошим воображением, то мы охотно пойдем на уступку, признав, что речь здесь идет о крайне ограниченном круге применения фантазии, о поистине робкой службе с ее стороны. Но как бы то ни было, эта способность, хотя бы в малой доле, должна найти свое применение, потому что при полном ее отсутствии человеку трудно представлять себе живые образы предметов в их взаимном отношении. Мы охотно признаем, что хорошая память в этом случае оказывает существенную помощь; но вопрос о том, следует ли считать память самостоятельной душевной способностью или же ее в этом отношении укрепляет и фиксирует воображение, мы должны оставить открытым; память и воображение вообще трудно представить обособленно друг от друга.

Значительную роль при этом играют, конечно, навык и проницательность. *Пюисегюр*, известный генерал-квартирмейстер знаменитого маршала Люксембурга, говорит, что вначале он мало доверял своим силам в этом отношении, так как замечал, что, когда ему приходилось отправляться за приказами на далекое расстояние, он всякий раз сбивался с пути.

Естественно, что применение этого таланта расширяется по мере повышения ранга. Если гусар или егерь, ведя свой разъезд или дозор при наличии немногих примет, ограниченном понимании, среднем воображении, обязан легко ориентироваться в дорогах и тропинках, то полководец должен подняться до представления географических особенностей целой области и даже страны, всегда иметь перед мысленным взором направление дорог, течение рек, расположение горных цепей и, кроме того, обладать способностью детально понимать подробности местности. Хотя помощь общим представлениям он черпает из всякого рода сообщений, карт, книг, мемуаров, а в изучении деталей ему помогают окружающие, но несомненно, что крупный талант быстрого и ясного охвата местности придает всем действиям полководца более легкий и уверенный ход, ограждает от известной внутренней беспомощности и делает его более независимым от других.

Указанная способность – едва ли не единственная услуга, которую фантазия может оказать в военном деле. Во всем остальном эта распущенная богиня способна принести больше вреда, чем пользы.

Итак, мы, по-видимому, приняли во внимание все проявления умственных и духовных сил, к которым военная деятельность предъявляет свои запросы. Всюду разум представляется существенной содействующей силой, а поэтому понятно, что простая в своих проявлениях военная деятельность может выдающимся образом руководиться только людьми выдающихся умственных способностей.

Если эта точка зрения будет усвоена, то отпадает необходимость считать обход неприятельской позиции, – действие в сущности самое простое и тысячу раз повторявшееся, – достижением высокого умственного напряжения.

Правда, создалась привычка противопоставлять простого, хорошего солдата глубоко-мысленному или изобретательному, кипящему идеями уму, украшенному блеском всестороннего образования. Это противопоставление не лишено основания, но оно, безусловно, не доказывает еще, что достоинство солдата заключается только в храбрости; даже для того, чтобы быть только хорошим рубакой, и то надо иметь на плечах толковую голову, пригодную для своеобразной работы. Мы вновь должны отметить весьма частое явление, когда люди, достигнув высоких постов, утрачивают работоспособность, так как присущий им кругозор оказывается недостаточным. Мы подчеркиваем, что речь идет о *выдающихся* достижениях, доставляющих славу в той области деятельности, которой себя данное лицо посвятило. Каждая ступень командования на войне образует свой собственный цикл необходимых умственных способностей, славы и чести.

Громадная пропасть отделяет полководца, руководящего всей войной или действиями на отдельном театре войны, от непосредственно ему подчиненных; последние находятся под несравненно более непосредственным руководством и надзором, и, следовательно, их умственная деятельность заключена в значительно более узкие рамки. Этим объясняется распространенное мнение, будто лишь на высшем посту необходим выдающийся ум, а на остальных ступенях командования будто бы можно обходиться самым посредственным рассудком. Часто бывают склонны подмечать известное притупление умственных способностей поседевшего в боях начальника, занимающего ближайшую к полководцу командную должность, кругозор которого доведен до несомненной бедности его односторонней деятельностью; при всем уважении к его личной доблести часто готовы улыбаться над его ограниченностью. Мы не имеем в виду брать под свою защиту этих славных людей; таланты их от этого не вырастут, а в защите они едва ли нуждаются; мы хотим лишь показать, как дело обстоит в действительности, и рас-

сеять заблуждение, будто на войне можно достигнуть выдающихся успехов и без умственных способностей, одной храбростью.

Если даже на низших постах мы требуем от командира, стремящегося выдвинуться, выдающихся духовных способностей и повышаем наши требования на каждой ступени, то само собою очевидно, что мы отнюдь не так смотрим на тех, кто с *честью* занимает второе место в армии. Их кажущаяся простота рядом с многознающим ученым, борзо пишущим чиновником и выступающим в заседаниях государственным деятелем не должна нас вводить в заблуждение относительно выдающейся природы их творческого разума. Правда, иногда бывает, что люди приобретают на низших постах репутацию и затем достигают высших должностей, в действительности не соответствуя последним. Если их там не очень используют, то они не подвергаются опасности разоблачить свою несостоятельность, а молва не разбирается достаточно точно в том, какого рода слава принадлежит им по праву. Подобные люди являются часто причиной довольно низкого мнения и о личностях, подлинно блещущих на известных постах.

Таким образом, чтобы достигнуть выдающихся результатов на войне, и на низших и на высших ступенях требуется своеобразный гений. Но история и суд потомства обычно придают наименование подлинного гения лишь тем умам, которые блистали на руководящих постах в роли полководцев. Это объясняется чрезвычайно повышенными требованиями к духу и уму, предъявляемыми на этом посту.

Для того чтобы довести всю войну или хотя бы большой ее отрезок, называемый походом, до блестящего конца, необходимо глубоко вникнуть в высшие государственные соотношения. Здесь стратегия и политика сливаются воедино, и полководец становится одновременно и государственным человеком.

Карла XII не называют гением потому, что он не умел подчинять свои военные успехи высшей прозорливости и мудрости и потому не достиг блестящих результатов; не дают этого названия и Генриху IV, потому что он прожил недостаточно долго для того, чтобы выдвинуть свою военную деятельность на арену отношений нескольких государств и испытывать свои силы в более трудных условиях, когда благородство чувств и рыцарский нрав не могут оказывать на противника того влияния, как при преодолении внутренней смуты.

В главе I нашего труда мы стремились дать читателю почувствовать объем того, что должно быть охвачено полководцем одним взглядом и получить от него правильную оценку. Повторяем, полководец становится государственным человеком, но все же должен оставаться полководцем; с одной стороны, он должен одним взглядом охватить все государственные взаимоотношения, с другой – отдать себе ясный отчет в том, чего он может достигнуть с имеющимися у него средствами.

При этом многообразии и неопределенности всевозможных отношений приходится взвешивать множество величин, оценка значительной части которых может быть произведена только по законам вероятности. Если полководец не охватит всего этого своим глубоким прозорливым умом, то возникает путаница заключений и соображений и утратится возможность правильного суждения. В этом понимании Бонапарт был совершенно прав, когда говорил, что многие вопросы, стоящие перед полководцем, являются математической задачей, достойной усилий *Ньютона и Эйлера*.

Главное, что здесь требуется от высших духовных сил, – это цельность и анализ, доведенный до удивительного прозрения, способного на лету разрешать и разъяснять тысячи смутных представлений, одоление каждого из которых может истощить обыкновенный ум. Но эта высшая духовная деятельность, этот взор гения все же не стал бы достоянием истории, если бы он не нашел поддержки в тех свойствах темперамента и характера, о которых мы говорили выше.

Простое сознание истины представляет лишь крайне слабое побуждение для деятельности человека. Отсюда то великое различие, которое существует между познанием и волей, между знанием и умением. Наиболее сильно побуждают человека к действию чувства и та

могучая поддержка, которую дают сплавы, если так можно выразиться, темперамента и рассудка, о которых мы говорили выше. Это – решимость, твердость, стойкость и сила характера.

Добавим: если бы эта повышенная умственная и духовная деятельность полководца не свидетельствовала о себе суммой достигнутых успехов и ее приходилось бы принимать лишь на веру, она редко попадала бы на страницы истории.

То, что обычно делается известным о ходе военных событий, бывает чрезвычайно простым, кажется крайне однообразным. Повествование не дает никакого понятия о тех трудностях, которые при этом приходится преодолевать. Лишь изредка, благодаря мемуарам полководцев и их доверенных лиц или при особо тщательном исследовании какого-либо события, удастся схватить часть тех многих нитей, которые образуют ткань событий. Большая часть тех размышлений и той внутренней борьбы, которые предшествовали какому-либо крупному исполнению, умышленно скрывается, ибо они затрагивают политические интересы, или же просто забывается, ибо на них смотрят лишь как на леса, подлежащие сносу по окончании постройки.

Мы не будем пытаться более точно определить высшие духовные силы и отказываемся от установления отдельных свойств разума. Но на вопрос, какого рода ум более всего соответствует военному гению, скажем, исходя из природы военной деятельности и опыта действительности, – скорее критический, чем творческий, скорее широкий, чем углубляющийся в одну сторону; горячей голове мы предпочтем холодную, и последней мы вверили бы на войне благосостояние наших братьев и детей, честь и безопасность родины.

Глава IV

Об опасности на войне

Люди, не испытавшие опасностей войны, представляют себе ее скорее привлекательной, чем отталкивающей. В пылу воодушевления стремительно ринуться на врага – кто тогда считает пули и сраженных ими; зажмурив на несколько мгновений глаза, броситься навстречу смерти, еще не зная, предназначена она тебе или другим, – и все это на самом пороге золотой победы, почти касаясь плода всех усилий, которого жаждет честолюбие, – неужели это так трудно? Конечно нетрудно, но и не так легко, как это может показаться. Во-первых, таких мгновений будет мало; притом опасность – дело во всяком случае не мгновенное, как кажется многим, ее нельзя сразу проглотить, а придется принимать понемногу, разбавленную временем, подобно испорченной лекарственной микстуре.

Пойдем за новичком на поле сражения. Приближаясь к последнему, мы замечаем, что гром орудий, становящийся с каждым мгновением все более ясным, сменяется наконец воем снарядов, привлекающим внимание новичка. Снаряды падают уже близко то спереди, то сзади. Мы спешим к холму, на котором командир корпуса расположился со своей многочисленной свитой. Здесь падает больше снарядов, а разрывы гранат уже настолько учащаются, что серьезная действительность начинает сквозить через образы юношеской фантазии. Вдруг вы видите, как падает сраженным ваш знакомый: граната упала в строй и вызвала невольное смещение. Вы начинаете ощущать, что сохранять полное спокойствие и сосредоточенность становится уже трудно; даже самые храбрые становятся несколько рассеянными.

Сделаем еще шаг в самое сражение, которое бушует перед нами пока еще в виде картины. Подойдем к ближайшему начальнику дивизии; здесь снаряд летит за снарядом; грохот собственных орудий увеличивает вашу рассеянность. От дивизионного – к бригадному генералу. Последний, человек испытанной храбрости, тем не менее осторожно укрывается за холмом, домом или деревьями. Картечь, верный признак нарастающей опасности, барабанит по полям и крышам, снаряды с воем пролетают около нас, и над головами во всех направлениях часто свистят ружейные пули. Еще один шаг к войскам, и мы среди пехоты, с неописуемой стойко-

стью часами выдерживающей огневой бой. Здесь воздух наполнен свистом пуль, дающих знать о своей близости коротким резким звуком, когда они пролетают в нескольких дюймах от ваших ушей, головы, самой души. В беспокойно бьющееся сердце непрерывными мучительными ударами стучится сострадание к искалеченным и сраженным на ваших глазах.

Ни одной из этих различных ступеней опасности новичок не минует, не ощутив, что мысль здесь пробуждают иные силы и лучи ее преломляются иначе, чем при обычной умственной деятельности; скажем больше, надо быть совершенно исключительным человеком, чтобы под влиянием первых впечатлений не утратить способности принимать мгновенные решения. Правда, привычка скоро притупляет эти впечатления; через полчаса становишься более или менее равнодушным ко всему окружающему, но до полного спокойствия и естественной душевной эластичности обыкновенный человек дойти не может, а потому следует признать, что здесь обыденного недостаточно; чем шире круг деятельности, тем выше требования. Нужны восторженная, стоическая, прирожденная храбрость, властное честолюбие или старая привычка к опасности и еще многое, чтобы в этой затрудняющей всякую деятельность обстановке результат работы был не ниже той нормы, которая у себя в кабинете кажется такой обыкновенной.

Опасность – один из элементов трения на войне: правильное представление о ней необходимо для познаний сущности войны.

Поэтому мы и коснулись этого предмета.

Глава V

О физическом напряжении на войне

Если бы никому не разрешалось высказывать суждения о военных событиях иначе, как в тот момент, когда он охоченел от холода или изнемог от жары и жажды, подавлен голодом и усталостью, мы, конечно, имели бы меньше объективно верных суждений, но зато они были бы строго субъективными, т. е. в точности передавали бы отношение судящего к предмету. Это видно уже из того, насколько умаленным, вялым и дешевеньким является суждение очевидцев о результатах губительного происшествия, особенно в тот момент, когда они находятся среди этих несчастных событий. Последнее, на наш взгляд, может служить мерилom влияния, оказываемого физическим напряжением, и того значения, какое ему при анализе явлений следует придавать.

Существуют явления, для пользования которыми на войне нет возможности установить какую-либо норму, к ним в особенности относится физическое напряжение. Способность к физическому напряжению, поскольку она не будет растрчена, является коэффициентом всех сил, и никто в точности не может сказать, до какого предела ее можно довести. Но замечательно: как более сильный стрелок ту же натягивает тетиву лука, так более мощному духом удастся на войне добиться от своих войск более высокой степени напряжения сил. Конечно, существует два вида напряжения сил. Один, когда после страшного разгрома, разбившись на обломки, подобно рухнувшему зданию, окруженная опасностями армия ищет спасения с величайшим напряжением физических сил. Другой – когда полководец, по своему свободному соизволению, ведет победоносную армию, полную горделивого чувства. Степень напряжения, которая в первом случае вызывает лишь сострадание, во втором – внушает восторженное удивление, так как добиться ее здесь несоизмеримо труднее.

Таким образом, и перед неопытным глазом выступает на свет одно из обстоятельств, которое тайно накладывает оковы на порывы духа и украдкой поглощает его силы.

Хотя здесь речь идет, собственно, лишь о напряжении, которого главнокомандующий требует от своей армии, начальник – от своих подчиненных, – точнее, о мужестве, необходи-

мом, чтобы его добиться, и об искусстве, без которого его нельзя сохранить, однако нельзя обойти и вопроса о физическом напряжении, испытываемом начальниками и полководцем.

Добросовестно доведя анализ войны до этого места, мы должны принять во внимание также и удельный вес этого наслоения.

Мы рассматриваем здесь вопрос о физическом напряжении главным образом потому, что это напряжение, как и опасность, является одной из основных причин трения, а также и потому, что по неопределенному размеру вызываемого трения оно приближается к природе эластичных тел, сила трения которых, как известно, с трудом поддается исчислению.

Однако особое внутреннее чувство, которое природа дала нам в качестве путеводной нити для нашего суждения, предостерегает нас против злоупотребления ссылками на указанные суждения; нельзя отговариваться тягостными условиями войны. Подобно тому как отдельный человек ничего не выигрывает, если будет ссылаться на свои слабости, подвергшись позору и оскорблениям, и, напротив, выставит себя в лучшем свете, сославшись на них после того, как ему удастся восторжествовать над клеветой или блестяще отомстить, так ни один полководец, ни одна армия изображением опасностей, тягот и напряжения не исправят впечатления от позорного поражения; но те же трудности могли бы значительно усилить блеск одержанной победы. Так, кажущаяся снисходительность к побежденному, к которой склонен наш рассудок, подавляется *нашим чувством*, в существе своем являющимся суждением высшего порядка.

Глава VI

Сведения, получаемые на войне

Словом «сведения» мы обозначаем всю совокупность данных, имеющих у нас о неприятеле и его стране. Это – основа наших собственных идей и действий. Стоит лишь вникнуть в природу этой основы, в ее недостоверность и шаткость, чтобы почувствовать, как хрупка зиждущаяся на ней постройка войны, как легко она может рухнуть и похоронить нас под своими обломками. Что следует доверять лишь надежным сообщениям и что никогда не следует отказываться от известного недоверия, об этом написано во всех руководствах; но это – жалкое книжное утешение, представляющее ту премудрость, к которой охотно прибегают за неимением чего-либо лучшего составители систем и учебников.

Многие донесения, получаемые на войне, противоречат одно другому; ложных донесений еще больше, а основная их масса малодостоверна. От военного работника в данном случае требуется известная способность различать, которая дается только знанием дела и людей и здравым суждением. При оценке различных сведений надлежит руководствоваться их вероятностью. Затруднения бывают уже значительными при составлении первоначальных планов, разрабатываемых в кабинетах, вне подлинной сферы войны. В суматохе же военных действий они несравненно больше: там одно известие нагоняет другое; счастье еще, когда их противоречивость устанавливает известное равновесие и вызывает взаимную критику. Гораздо хуже для неопытного человека, когда случай отказывает ему в этой услуге: одно известие начинает подкреплять, подтверждать и преувеличивать другие, картина раскрашивается все новыми красками, наконец он оказывается перед необходимостью принять поспешное решение; последнее вскоре будет признано глупостью, а сведения, его вызвавшие, – ложью, преувеличением, ошибкой и пр. Короче говоря, большинство известий ложно, а человеческая опасливость черпает из них материал для новой лжи и неправды. Как общее правило, всякий скорее способен поверить плохому, чем хорошему; каждый склонен несколько преувеличивать плохое. Грозящие опасности, о которых подобным образом доносят, похожи на морские волны, которые хотя и уносятся сами, но снова возвращаются без всякого видимого повода. Непокколебимо уверенный в превосходстве своего внутреннего знания начальник должен стоять, как скала, о которую разбиваются волны сомнений. Это нелегкая роль; кто от природы не одарен хлад-

нокровием, не закален боевым опытом и не тверд в своем суждении, должен принять за правило насильно, т. е. вопреки своим внутренним убеждениям, отворачиваться от опасений в сторону надежд; только этот путь позволит ему сохранить истинное равновесие. *Правильная оценка* этих затруднений, составляющих одно из главных трений на войне, дает возможность видеть дело в совершенно ином свете, чем оно представлялось вначале. Впечатления чувств сильнее представлений разумного расчета, и это заходит так далеко, что почти ни одна скольконибудь крупная операция не выполнялась без того, чтобы командующему армией на первых же шагах не приходилось побеждать внутри себя вновь возникающие сомнения. Поэтому-то люди заурядные, следующие посторонним внушениям, обычно делаются нерешительными на месте действия. Обстоятельства им кажутся иными, чем они предполагали, и притом тем более, чем сильнее они продолжают поддаваться чужим внушениям. Но и тот, кто сам наметил план и смотрит на все собственными глазами, легко сбивается со своего первоначального мнения. Твердая уверенность в себе должна вооружить начальника против кажущегося напора данного момента. Его прежнее убеждение подтвердится при дальнейшем разворачивании событий, когда кулисы, выдвигаемые судьбой на авансцену войны, с их густо намалеванными образами различных опасностей отодвинутся назад и горизонт расширится. Это – одна из великих пропастей, отделяющих *составление плана от его выполнения*.

Глава VII

Трение на войне

Пока человек лично не ознакомится с войной, он не поймет, в чем заключаются трудности, о которых постоянно идет речь, и каковы задачи гения и выдающихся духовных сил, необходимых полководцу. Все представляется чрезвычайно простым: необходимые знания – банальными, комбинации – незначительными; по сравнению с ними заурядная задача высшей математики производит более внушительное впечатление своим научным величием. Но тому, кто видел войну, все понятно; несмотря на это, крайне трудно указать, что изменяет это простое в трудное, и описать этот невидимый и тем не менее всюду действующий фактор.

Все на войне очень просто, но эта простота представляет трудности. Последние, накапливаясь, вызывают такое трение, о котором человек, не видавший войны, не может иметь правильного понятия. Представьте себе путешественника, которому еще до наступления ночи надо проехать две станции; 4–5 часов езды на почтовых лошадях по шоссе – пустяки. Вот он уже на предпоследней станции. Но здесь плохие лошади или нет вовсе никаких, а дальше гористая местность, неисправная дорога, наступает глубокая ночь. Он рад, что ему удалось после больших усилий добраться до ближайшей станции и найти там скудный приют. Так, под влиянием бесчисленных мелких обстоятельств, которых письменно излагать не стоит, на войне все снижается и человек далеко отстает от намеченной цели. Могучая, железная воля преодолевает все эти трения, она сокрушает препятствия; но при этом, правда, приходит в негодность и сама машина. Нам часто придется возвращаться к этому выводу. Подобно обелиску, к которому ведут главные улицы города, в центре военного искусства господствует над всем твердая воля гордого духа.

Трение – это единственное понятие, которое в общем отличает действительную войну от войны бумажной. Военная машина – армия и все, что к ней относится, – в основе своей чрезвычайно проста, а потому кажется, что ею легко управлять. Но вспомним, что ни одна из ее частей не сделана из целого куска; все решительно составлено из отдельных индивидов, из которых каждый испытывает трение по всем направлениям. Теоретически получается превосходно: командир батальона отвечает за выполнение данного приказа; так как батальон спаян дисциплиной воедино, а командир – человек испытанного рвения, то вал должен вращаться на железной оси с ничтожным трением. В действительности это не так, и в свое время

вскрывается все ложное и преувеличенное, содержащееся в этом представлении. Батальон не перестает состоять из людей; при случае каждый из них, даже самый незначительный, может вызвать задержку или иное нарушение порядка. Опасности и физическое напряжение, с которыми сопряжена война, увеличивают зло настолько, что на них следует смотреть как на важнейший его источник.

Это ужасное трение, которое не может, как в механике, быть сосредоточено в немногих пунктах, всюду приходит в соприкосновение со случайностью и вызывает явления, которые заранее учесть невозможно, так как они по большей части случайны. Подобной случайностью может оказаться, например, погода. Здесь туман помешал вовремя обнаружить неприятеля, открыть огонь из орудия, доставить донесение начальнику; там из-за дождя один батальон не пришел вовсе, другой не мог прийти вовремя, так как ему вместо 3-х часов пришлось шагать целых 8, в другом месте кавалерия увязла в размокшем грунте и не могла атаковать и т. п.

Мы привели эти две-три подробности только для ясности, чтобы читатель понимал, что именно имеет в виду автор. Но о таких трудностях можно написать целые тома. Чтобы избежать этого и все-таки дать читателю ясное представление о массе мелких затруднений, с которыми приходится бороться на войне, мы хотели бы отразить наши мысли в ряде картин, но боимся вызвать утомление. Ограничимся несколькими примерами; да простят их нам читатели, давно нас понявшие.

Деятельность на войне подобна движению в противодействующей среде. Как невозможно в воде легко и отчетливо воспроизвести самые естественные и несложные движения, простую ходьбу, так и на войне обычных сил недостаточно, чтобы держаться хотя бы на уровне посредственности. Поэтому-то настоящий теоретик похож на учителя плавания, заставляющего упражняться на суше в движениях, которые понадобятся в воде. Эти движения покажутся смешными и странными тому, кто, глядя на них, не вспомнит о воде. Отсюда же происходит непрактичность и даже пошлость теоретиков, которые сами не погружались в воду или оказались неспособными извлечь из своего опыта какие-либо общие правила; они обучают только ходить, т. е. учат тому, что и без них каждый умеет.

Каждая война богата своеобразными явлениями. Она – неисследованное море, полное подводных камней. Полководец никогда их не видел, но должен предчувствовать и уметь лавировать среди них в глубоком мраке ночи. Если вдобавок вдруг поднимется противный ветер, т. е. если будет иметь место крупная неблагоприятная случайность, потребуются величайшее искусство, присутствие духа и напряжение сил, а смотрящему издали будет казаться, что все идет само собой. Знакомство с этим трением – значительная доля прославленного военного опыта, который требуется от хорошего генерала. Конечно, генерал, придающий исключительное значение трению, особенно если оно ему импонирует, не будет самым лучшим (такие боязливые генералы часто встречаются среди практиков). Но знание трения генералу безусловно необходимо, чтобы, где можно, его преодолевать и не ждать точности действий там, где из-за трения ее не может быть. Впрочем, теоретически трение изучить в совершенстве нельзя, но если бы это и было возможно, то все же недоставало бы еще навыка в оценке, того такта, который, во всяком случае, гораздо нужнее в поле, среди мелких и разнообразных явлений, чем при решении крупных важнейших вопросов, когда можно держать совет с самим собой и с другими. Как такт, почти обратившийся в привычку, всегда заставляет светского человека действовать, говорить и двигаться корректно, так же и военный опыт позволит обладающему им командиру всегда в больших и малых делах, при каждом, так сказать, ударе пульса войны распорядиться правильно и кстати. При наличии опыта и навыка приходит ему на ум сама собою мысль: это – годится, это – нет. Он нелегко попадает впросак, что при частом повторении подрывает основы доверия и представляет большую опасность.

Трение или то, что мы обозначали здесь этим термином, делает легкое с виду трудным на деле. Мы еще вернемся впоследствии к этому предмету, и тогда станет ясным, что для того,

чтобы быть выдающимся полководцем, необходимо, помимо опыта и сильной воли, обладать исключительными качествами духа.

Глава VIII

Заключительные замечания к первой части

Мы указали на опасность, физическое напряжение, недостоверность сведений и трение как на элементы, входящие в состав атмосферы войны и обращающие ее в среду, затрудняющую всякого рода деятельность. Сумму этих элементов и их противодействия можно назвать общим трением. Неужели для ослабления этого трения нет никакой надежной смазки? Такой смазкой может быть только втянутость армии в войну, но это средство не всегда находится в распоряжении полководца и войск.

Привычка приучает тело к большим напряжениям, душу – к опасностям, рассудок – к осторожности в отношении впечатления минуты. Привычка сообщает всем драгоценную уравновешенность, которая, восходя от рядового гусара и стрелка до начальника дивизии, облегчает деятельность полководца.

Подобно тому как человеческий глаз, расширяя в темной комнате свой зрачок, использует небольшое количество наличного света, мало-помалу начинает различать предметы и наконец вполне удовлетворительно разбирается в них, так и опытный солдат ориентируется на войне, в то время как перед новичком расстилается непроглядная тьма.

Ни один полководец не может дать войскам втянутости в войну. Маневры мирного времени являются слабой ее заменой; эта замена слаба по сравнению с подлинным боевым опытом, но не в сравнении с навыками, приобретаемыми войсками, которые тренируются только в механическом воспроизведении искусственных учений. Организация упражнений мирного времени, при которой открывается доступ хотя бы части элементов трения, развивает в отдельных начальниках способность к суждению, осмотрительность, даже решительность и имеет несравненно большую ценность, чем думают те, кто не знаком с этим на опыте. Крайне важно, чтобы военный любого ранга на войне не впервые столкнулся с явлениями трения, которые обычно сначала повергают в изумление и смущение. Если он с ними раньше встречался хотя бы однажды, то они ему уже наполовину знакомы. Это касается даже физических напряжений. В них следует упражняться с целью приучить не только тело, но главным образом ум. Солдат-новичок склонен на войне считать требуемое от него чрезвычайное напряжение сил результатом крупных ошибок, блужданий и растерянности общего руководства; это удваивает его чувство подавленности, но все это отпадает, если к напряжению своих сил он будет подготовлен маневрами.

Привлечение офицеров чужих армий, обладающих боевым опытом, – другое, менее широкое, но все-таки очень хорошее средство приобрести навык к войне в мирное время. В Европе мир редко бывает повсеместно, да и в остальных частях света война никогда не прекращается. Поэтому государство, пребывающее в долгом мире, должно постоянно привлекать к себе отдельных отличившихся на этих театрах войны офицеров или же отправлять туда своих офицеров, чтобы они могли там познакомиться с войной.

Как бы ни было незначительно число таких офицеров по отношению ко всей массе войск, все же их влияние будет очень заметно. Их опыт, направление ума, развитие характера влияют на подчиненных и товарищей; кроме того, в тех случаях, когда они не могут быть поставлены на влиятельные посты, на них можно смотреть как на людей, знакомых с местностью на определенных театрах войны; во многих случаях от них можно получить полезные сведения и указания.

Часть вторая О теории войны

Глава I Подразделения военного искусства

Война по существу своему – бой, так как бой – единственный решающий акт многообразной деятельности, разумеющейся под широким понятием войны. Бой – это измерение духовных и физических сил путем взаимного столкновения сторон. Понятно, что исключать духовные силы нельзя, так как состояние духа оказывает самое решающее влияние на военные силы.

С давних времен необходимость борьбы заставляла человека изобретать специальные средства для получения преимуществ в бою. Вследствие этого бой во многом изменяется; но в какую форму ни вылился бы бой, лежащая в основе его идея не меняется и определяет сущность войны.

Изобретениями являются главным образом оружие и устройство войск. Прежде чем начать войну, надо изготовить оружие и тренировать бойцов. Эта работа направляется соответственно с природой боя, следовательно, является продиктованной последней. Но это еще не бой, а только подготовка к нему. Что вооружение и устройство не являются существенной частью понятия боя, ясно, так как обходящаяся без них простая кулачная расправа все же является боем.

Боем определяются вооружение и устройство войск, но последние, в свою очередь, видоизменяют бой; таким образом, между ними происходит взаимодействие.

Однако бой все же остается крайне своеобразным видом деятельности, в особенности потому, что протекает в своеобразной стихии. Эта стихия – опасность.

Здесь более, чем где-либо, требуется разделение труда; чтобы пояснить практическую важность этого положения, достаточно напомнить, как отличные деятели в одной области оказывались абсолютно непригодными педантами в другой.

Притом вовсе не трудно при исследовании отделить один вид деятельности от другого, если рассматривать вооруженные силы, являющиеся для нас средством, как *данную* величину; для целесообразного их применения достаточно будет уметь разобраться в их основных свойствах.

Итак, военное искусство в тесном смысле этого понятия является искусством использования в борьбе данных средств, для него нет более подходящего названия, как ведение войны. Но, конечно, военное искусство в широком смысле охватывает и другие виды деятельности, существующие ради войны, т. е. всю работу по созданию вооруженных сил – их комплектование, вооружение, устройство и обучение.

Для того чтобы теория не порвала с реальностью, весьма важно разделить исследование этих двух видов деятельности. Действительно, если бы теория военного искусства начиналась с организации вооруженных сил и, поскольку последние определяют *ведение войны*, приурочивала бы их к нему, то такая теория была бы приложима только в тех немногих случаях, когда наличные вооруженные силы в точности ей соответствуют. Напротив, если мы хотим иметь теорию, которая отвечала бы большинству случаев и никогда не являлась бы вовсе непригодной, то мы должны строить ее на основе нормальных вооруженных сил, какими они бывают в большинстве случаев, причем и здесь только на их важнейших данных.

Итак, ведение войны есть расстановка сил и ведение боя. Если бы борьба представляла единичный акт, то не было бы никакого основания для дальнейшего подразделения теории

ведения войны; однако борьба состоит из большего или меньшего числа отдельных, *завершенных актов*, которые мы называем частными боями, как мы на то указывали в I главе 1-й части²¹, и которые образуют новые единства. Отсюда происходят два совершенно различных вида деятельности: 1) организация этих отдельных боев *и ведение их*; 2) *увязка их* с общей целью войны. Первая называется *тактикой*, вторая – *стратегией*.

Деление на тактику и стратегию в настоящее время имеет почти всеобщее распространение; каждый более или менее определенно знает, в какую из двух областей он должен поместить отдельное явление, даже не отдавая себе ясного отчета в основании для этого деления. Если подобным подразделением руководствуются бессознательно, то оно должно иметь глубокое основание. Мы его установили и можем сказать, что путеводной нитью наших розысков являлось общепринятое словоупотребление. Произвольные же попытки отдельных писателей определить эти понятия без учета природы вещей мы должны рассматривать как не имеющие общего распространения.

Итак, согласно нашему делению, тактика есть *учение об использовании вооруженных сил в бою*, а стратегия – *учение об использовании боев в целях войны*.

Впоследствии, при более подробном рассмотрении боя, мы сможем вполне отчетливо очертить понятие отдельного или самостоятельного боя и установить предпосылки, при которых единство этого понятия имеет место; здесь же мы удовольствуемся замечанием, что пределы единства боя в пространстве (при единовременных боях) совпадают с *пределами командования соответственного начальника*, а пределы единства во времени (при боях, следующих один за другим) простираются до момента полного преодоления кризиса, содержащегося в каждом бое.

Тот факт, что встречаются сомнительные случаи, а именно, когда несколько боев могут рассматриваться как сливающиеся в одно целое, не может служить возражением против нашей системы подразделения, так как представляет возражение против любой системы подразделения реальных явлений, различия между которыми обычно сглаживаются постепенными переходами. Конечно, бывают и такие акты боевой деятельности, которые с одной и той же точки зрения могут с одинаковым успехом быть отнесены и к стратегии, и к тактике, как, например, действия на весьма растянутых позициях, подобных кордонной линии, организация некоторых речных переправ и т. д.

Подразделение на стратегию и тактику имеет в виду и полностью охватывает лишь *использование вооруженных сил*. Между тем на войне есть множество видов деятельности, которые помогают использованию вооруженных сил, но отличны от него, иногда приближаясь, иногда становясь более чуждыми ему. Все эти виды деятельности относятся к *сохранению вооруженных сил*. Подобно тому как создание и обучение сил предшествует их использованию, так сохранение их сопровождает это использование и составляет необходимое его условие. Впрочем, при более внимательном разборе все виды деятельности, относящиеся сюда, должны рассматриваться как подготовка к бою, но подготовка, настолько близко соприкасающаяся с боевой деятельностью, что она сопровождает военные действия на всем их протяжении, чередуясь с актом *использования* вооруженных сил. Поэтому мы вправе отделить эти виды деятельности так же, как и прочие подготовительные действия, от военного искусства, понимаемого более тесно, т. е. от непосредственного ведения войны, и к этому нас вынуждает основное требование всякой теории *отделять неоднородные явления друг от друга*. Кто станет причислять к *ведению войны в собственном смысле* всю канитель продовольственной службы и администрации? Хотя они и находятся с ведением войны в постоянном взаимодействии, но все же представляют нечто по существу своему от него отличное.

²¹ В действительности – во II главе 1-й части. – *Ред.*

В III главе 1-й части²² мы говорили, что в то время, как борьба в целом и частные бои представляют собой единственное подлинное действие, нити всех остальных видов деятельности приводят к бою и охватываются им. Этим мы хотели сказать, что всем остальным видам деятельности бой указывает объекты, к достижению которых они стремятся, каждый согласно присущим им особенностям. Здесь мы подробнее остановимся на них.

Объекты деятельности, протекающие вне сферы боя, чрезвычайно разнообразны.

Некоторые из них, с одной стороны, являются частью самой борьбы и с ней тождественны, с другой же стороны имеют целью сохранение вооруженных сил. Другие служат исключительно сохранению этих сил и лишь на основе взаимодействия оказывают косвенное влияние на бой.

Объекты деятельности, являющиеся еще частью самой борьбы, – это *марши, биваки и квартирное расположение* войск, потому что ими обуславливается известное состояние войск, а там, где мыслятся войска, идея боя всегда должна быть налицо.

Другие, имеющие отношение исключительно к сохранению вооруженных сил, – это *продовольствие войск, уход за ранеными и больными, пополнение вооружения и снаряжения*.

Марши вполне тождественны с использованием войск. *Марши в течение боя*, обычно называемые эволюциями²³, еще не представляют подлинного действия оружием, но они так тесно и неизбежно связаны с последним, что составляют неотъемлемую часть того, что мы называем боем. Марш же вне боя – не что иное, как выполнение стратегических предначертаний. Эти последние указывают, *когда, где и с какими силами* должен быть дан бой, а для выполнения этого единственным средством служит марш.

Таким образом, марши вне боя являются орудием стратегии, но не принадлежат единственно ей, так как войска на походе каждое мгновение могут ввязаться в бой; поэтому выполнение марша контролируется как тактикой, так и стратегией. Когда мы указываем колонне путь по сю сторону реки или горного отрога, то это является стратегическим заданием, ибо в нем заключается намерение дать противнику бой, если последний завяжется на марше, по эту сторону реки или отрога, а не на противоположной стороне.

Если же колонна, вместо того чтобы идти в долине по дороге, будет двинута по сопровождающей последнюю возвышенности, или если ради удобства марша она будет разделена на несколько небольших колонн, то это уже явится тактическим заданием, ибо оно определяется тем *способом*, каким, в случае возможного боя, мы намерены использовать наши вооруженные силы.

Внутренний распорядок при передвижении всегда связан с боевой готовностью и относится к тактике, ибо он не что иное, как предварительный распорядок для могущего иметь место боя.

Так как марш²⁴ является инструментом, посредством которого стратегия распределяет свои деятельные начала, т. е. бои, то эти последние входят в стратегию лишь своими результатами, но не своим фактическим течением; поэтому нас не должно удивлять, что при анализе инструмент часто оказывался на месте деятельного начала. Так часто говорят о решающих искусных маршах, причем разумеют при этом те комбинации боев, к которым эти марши привели. Такая подмена представлений вполне естественна, а краткость речи слишком желательна, чтобы настаивать на отказе от нее, но все же такой оборот речи является лишь сдвигом ряда представлений, настоящий смысл которого надлежит не упускать из виду, дабы не стать на ложный путь.

²² Указанная тема рассматривается во II главе 1-й части. – *Ред.*

²³ Т. е. движения, связанные с перестроением боевых порядков и маневрированием в бою. – *Ред.*

²⁴ Здесь мы вносим исправление – «марш» вместо «человек», так как во втором немецком издании (1835), с которым сверялся настоящий перевод, явная опечатка: «Mensch» (человек) вместо «Marsch». – *Ред.*

Таким ложным путем является приписывание стратегическим комбинациям силы, независимой от тактических успехов. Комбинируют марши и маневры, достигают намеченной цели, и при этом нет и речи о бое; отсюда заключают, что будто бы существуют средства одолеть противника и без боя. В дальнейшем изложении мы будем иметь возможность указать всю чреватую последствиями значительность этого заблуждения.

Но хотя марш и может рассматриваться как неотъемлемая часть боя, однако к нему относятся и вопросы, не имеющие прямого отношения к последнему, т. е. не являющиеся ни тактическими, ни стратегическими. Сюда относится весь распорядок, служащий лишь для удобства войск – например, сооружение мостов и дорог и т. п. Это, однако, лишь аксессуары; порой они могут стать очень близкими к использованию войск и почти с ними отождествиться, как, например, постройка моста на глазах у неприятеля, и все же они являются посторонними действиями, теория которых не входит в теорию ведения войны.

Биваки²⁵, под которыми, в противоположность квартирному расположению, мы разумеем всякое сосредоточение, а следовательно, готовое к бою расположение войск, представляют состояние покоя и, следовательно, отдыха, но в то же время они являются стратегическим предreshением сражения в пунктах, где они располагаются; при этом порядок их расположения уже содержит в себе основные линии боя и обстановку, из которой исходит всякий оборонительный бой. Таким образом, расположение биваков является существенной частью как стратегии, так и тактики.

Квартирное расположение заменяет бивак в целях предоставления лучшего отдыха войскам; следовательно, по местонахождению и размеру занятой площади оно, как и биваки, относится к стратегии, а по внутренней организации, ориентированной на готовность к бою, является предметом тактики.

Правда, помимо отдыха войск бивачное и квартирное расположения обыкновенно преследуют и другие цели – например, прикрытие известного района, удержание той или другой позиции; но часто целью может служить лишь первое. Припомним, что цели, преследуемые стратегией, могут быть чрезвычайно разнообразными, ибо все, что представляет для нее выгоду, может служить целью данного боя; но и сохранение орудия, при помощи которого ведется война²⁶, по необходимости часто будет являться целью отдельных ее комбинаций.

Следовательно, когда в подобном случае стратегия обслуживает лишь сохранение войск, то мы вовсе не оказываемся в чужой нам области, но все еще находимся в области использования вооруженных сил, ибо всякое их размещение в любом пункте театра войны представляет использование их.

Но если сохранение войск на биваках или на квартирах вызывает такую деятельность, которая не является использованием вооруженных сил, вроде постройки землянок, разбивки палаток, снабжения продовольствием или работ по поддержанию чистоты на биваках и в местах расквартирования, то это уже не относится ни к стратегии, ни к тактике.

Даже сооружение окопов, расположение и устройство которых являются, очевидно, частью организации боя, а следовательно, составляют предмет тактики, не принадлежит, однако, в отношении *выполнения постройки* к теории ведения войны; нужные для этого знания и умение должны быть уже присущи обученной вооруженной силе. Учение о бое предполагает их как уже готовую данную.

Из объектов, которые служат исключительно сохранению вооруженной силы и ни одной своей частью не отождествляются с боем, все же более близким к последнему, чем другие, является продовольствие войск, потому что эта деятельность должна выполняться ежедневно,

²⁵ В оригинале – «лагери». – *Ред.*

²⁶ Т. е. армии. – *Ред.*

и притом для каждого индивида. Таким образом, она перекрывает всю военную деятельность в ее стратегической части.

Мы говорим – в ее стратегической части, так как в рамках единичного боя вопрос продовольствия войск лишь в крайне редких случаях может оказать существенное влияние на план боя, хотя и такой случай мыслим. Наибольшее взаимодействие оказывается, таким образом, между продовольственным снабжением армии и стратегией; весьма часто бывает, что забота о продовольствии в значительной степени определяет основные стратегические линии кампании или войны. Но как бы часто и решительно ни влияла эта забота, снабжение войск продовольствием все же остается всегда деятельностью, существенно отличной от использования сил и влияющей на последнее лишь своими результатами.

Гораздо дальше от использования войск стоят другие объекты административной деятельности, о которых мы упоминали. Попечение о раненых очень важно для благосостояния армии, но распространяется лишь на малую часть входящих в ее состав индивидов и потому оказывает лишь очень слабое и притом косвенное влияние на использование остальных. Пополнение предметов снаряжения, поскольку оно не является постоянной деятельностью самого организма вооруженных сил, происходит периодически и, таким образом, только в редких случаях будет иметься в виду при составлении стратегических планов²⁷.

Но здесь нам надо оговориться во избежание возможного недоразумения. В отдельных случаях эти вопросы могут иметь решающее значение. Удаленность госпиталей и складов огнестрельных припасов может очень часто оказаться единственным основанием для крайне важных стратегических решений; этого факта мы не намерены ни отрицать, ни оставлять в тени. Но речь идет не о значении подобных фактов в отдельных случаях, а об отвлеченной теории ведения войны, и мы утверждаем, что такие случаи слишком редки, чтобы методам ухода за больными и ранеными, пополнения оружием, огнестрельными припасами и т. п. придавать значение для теории ведения войны. Тем не менее целесообразно включить в теорию войны различные методы и системы, которые дают эти теории и их выводы; во всяком случае, это имеет место по отношению к продовольствию войск.

Подводя снова итог нашим рассуждениям, мы скажем, что различные виды деятельности, связанные с войной, распадаются на две главные категории: на такие, которые являются лишь *подготовительными к войне, и на самую войну*. Этого деления должна держаться теория.

Знание и навыки, сопряженные с подготовкой, направлены на создание, обучение и сохранение всех вооруженных сил. Мы не будем останавливаться на том, какое общее название надо дать этой деятельности, но мы видим, что сюда входят артиллерия, фортификация, так называемая элементарная тактика, вся организация и администрация вооруженных сил и другие подобные предметы. Теория же самой войны занимается вопросами использования этих средств, выработанных в целях войны. От указанных ранее предметов она требует лишь вывода, а именно – данные о главных свойствах тех средств, которые предназначаются для ведения войны. Эту теорию войны мы и называем военным искусством в тесном смысле слова, или теорией ведения войны, или теорией использования вооруженных сил, что для нас обозначает одно и то же понятие.

Эта теория будет заниматься боем, являющимся подлинной борьбой, маршами, бивачным и квартирным расположением как состояниями, более или менее тождественными с первыми. Снабжение же войск как деятельность, не входящая в содержание боя, будет приниматься во внимание лишь своими конечными данными, подобно *другим данным обстановки*.

²⁷ В наше время значение вопроса о снабжении боеприпасами бесконечно выросло. – *Ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.